

сборник рассказов

ВОЗНЕСЕНИЕ

18+

ИГОРЬ ШАМИН

Игорь Алексеевич Шамин

Вознесение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70094539

SelfPub; 2024

Аннотация

Эти очень разные рассказы объединяет общая тема – вечный поиск ответов на вопросы, волнующие человечество с начала времен. Автор затрагивает сложные проблемы – от беспощадной бюрократии до поиска своего места в жизни и стремления разгадать тайны мироздания. Здесь вымысел причудливым образом переплетается с реальностью, а в персонажах читатель узнает себя, своих близких и коллег, которые окружают его на работе и дома. Истории о добре и зле, любви и предательстве, написанные ярким образным языком, никого не оставят равнодушным. Одни из них откровенно пугают, а другие – все же вселяют надежду на то, что все будет хорошо... Иллюстрация к обложке создана нейросетью "Midjourney".

Содержание

Очередь	4
Спектакль	17
Кладбище	23
Лабиринт	30
Ногами сотканный мир	40
Солнечный зайчик	56
Попутчик	66
Вознесение	90

Игорь Шамин

Вознесение

Очередь

Очередь, начала и конца которой никто не видел, казалась бесконечной. С какой стороны на нее ни посмотри, с какого бока не заглядывай, охватить ее человеческим глазом было невозможно.

Люди нескончаемым потоком двигались вперед. Одни обеспокоенно оглядывались по сторонам, другие безучастно смотрели перед собой. Но всех объединяло полное неведение.

Порой некоторые из них решались ускориться. Тогда они выходили из шеренги и отправлялись в ее конец. Беглецы стаптывали ноги в кровь, смахивали густую испарину с засаленных лбов, обессиленно падали на колени, и, к своему удивлению, обнаруживали, что не только не приблизились к цели, но напротив, нисколько не продвинулись вперед. Они неизменно оказывались в том месте, откуда предприняли отчаянную попытку бегства.

Вернувшись в строй, они покорно двигались дальше.

Молодой человек молча шел вперед. Ничего не понимая,

он берег силы, не растрачивая их на лишние волнения. Чтобы не сойти с ума от монотонности ходьбы, он находил все больше способов отвлечься.

Изучив каждую складку на одежде, потертости на обуви и содержимое карманов куртки, парень переключил свое внимание на соседей. Он принялся внимательно рассматривать тех, кто шел в непосредственной близости от него.

Его взгляд остановился на девушке, медленно идущей впереди.

Хрупкая девушка в воздушной юбке и легкой ветровке словно парила над землей. Она не задавала вопросов, а лишь изредка прислушивалась к разговорам остальных. Ее светлые волосы падали на плечи, обрамляя тонкую шею.

Сделав несколько осторожных шагов, он приблизился к ней вплотную. На него полился знакомый аромат.

– Девушка! – позвал он, осторожно тронув ее за плечо.

Она резко обернулась. На лице застыл испуг. Парень поднял руку и приветливо улыбнулся. Очередь замерла.

Повернувшись к нему, она поинтересовалась, что ему нужно.

– Я хотел у вас спросить...

– Сама не понимаю, что здесь происходит, – прервала она. Девушка отвернулась. Движение очереди возобновилось.

– Я ведь даже не озвучил вопрос.

– Слушаю, – девушка склонила голову набок.

Они продолжали идти, не сбавляя темп. Их голоса тонули

в оглушительном топоте бесчисленных ног.

– Печенье Мадлен?

– Простите?

– Ваш аромат...

Молодой человек опустил взгляд и не заметил, как на девичьих щеках вспыхнул алый румянец. Очередь опять остановилась. Раздались покашливания.

– Нам не стоит задерживаться, – произнес молодой человек.

Она смущенно кивнула и возобновила ход.

– Ваниль, – наконец произнесла девушка, опустив взгляд. – Мой любимый, наверное.

– Любимый? Во всяком случае, он действительно приятный, – кивнул он. – Так сразу и не вспомнишь. Честно говоря, все это время я пытался восстановить прежние воспоминания. Кое-что удалось, например, незначительные фрагменты из прошлого, вроде завтрака в университетском буфете или прогулки по осеннему парку. А что-то, напротив, оказалось утраченным. Так же, как этот аромат, очень знакомый по ощущениям, но ускользающий из памяти. Или, например, имя. Вроде бы и вертится в голове, готовое сорваться с языка, но стоит попытаться произнести его вслух, оно тотчас исчезает.

– Я тоже, как ни старалась, не смогла вспомнить свое имя. Хотя с ароматом сразу вышло, – призналась она.

Спустя несколько часов молчания парень вновь загово-

рил:

– Как насчет небольшой игры?

– Во что же мы сможем сыграть?

– Не так уж много игр мы можем выбрать в подобных обстоятельствах.

– Например? – поинтересовалась девушка.

– В слова. Игра очень простая. Я загадываю слово, а вам нужно его отгадать, задавая наводящие вопросы. Попробуем?

Ответом послужила едва заметная улыбка.

Прошло несколько часов.

Настал ее черед загадывать слово. И хотя ему казалось, что он отлично разбирается в игре, при попытке отгадать стакан с водой он уходил то куда-то в сторону китов и дельфинов, то к Моби Дику. А когда ему, наконец, удалось отгадать, то от очевидности ответа он рассмеялся так громко, что непривычный звук разнесся на всю округу. Прервав шепот, всхлипывания и молитвы, раздававшиеся из сотен ртов, он моментально привлек к себе внимание.

Очередь остановилась. Люди пытались понять, что за звук они только что услышали. Это оказался до боли знакомый, но непривычный им смех.

Процессия возобновила ход.

Парню с девушкой уже было не так важно, куда они держат путь и что их ждет впереди. Смех, слова, вопросы – все

сливалось в единый круг. Время растворилось в ходьбе, а ходьба – в слове.

Увлечшись, они не сразу заметили, что бесконечное пространство превратилось в узкий коридор. К тому же они остались совершенно одни. Ни впереди, ни позади них не было ни души. Стало невыносимо тихо.

Они посмотрели друг на друга и продолжили путь. Вдали забрезжил свет. Теплый и яркий, он разливался по стенам. Чем дальше они продвигались вглубь коридора, тем становилось теплее.

Безмятежное спокойствие наполнило возбужденные сердца. Дышалось свободно, как будто они оказались у подножия высокой горы. Повеял свежий прозрачный ветерок, касаясь пересохших губ.

Они не сразу заметили, что держатся за руки. Хрупкая ладошка утопала в широкой руке. Ее пальцы были удивительно тонкими, словно с рождения предназначенными для игры на пианино.

Не успели они оглянуться, как коридор кончился. Их ладони разомкнулись.

Теперь они оказались в огромном помещении. Белокаменное великолепие захватывало дух. От яркого света защищало в глазах.

Перед ними находился большой аквариум для глубоководных рыб.

Когда они подошли ближе, то увидели, что он совершенно пустой и неестественно прозрачный. То, что они приняли за кристально чистую воду, оказалось светом, разливавшимся на мраморном полу. Рыб не было. В солнечных бликах угадывались отблескидвигающихся картинок.

Погрузив руки в свет, они коснулись их и зачерпнули свет в ладони. По пальцам разлилось тепло.

Яркие блики превратились в игру света и тени. Чем дольше парень с девушкой всматривались в незнакомые силуэты, тем сильнее поражались тому, что держали в руках.

Девушка вскрикнула и расплескала содержимое ладоней. Что-то со звоном упало на белокаменный пол. Ее лицо искажилось ужасом, на глазах выступили слезы и заструились по бледным щекам.

Парень взглянул на расплескавшиеся образы. Отвернувшись от пугающего изображения, он посмотрел на содержимое своих ладоней, которое причудливо сплеталось в искусные картины. В отличие от тех, что уронила девушка, его образы были теплыми, приятными на ощупь и красиво переливались на свету. Парень снова посмотрел на пол и, недолго думая, протянул свою картинку девушке. Она нерешительно взяла ее в руки и вгляделась. Ее лицо осветила улыбка.

Затем парень опустился на пол и собрал расплескавшуюся жидкость. Он взял девушку за руку и направился к выходу.

Картинки в его кармане наэлектризовались и слабо покалывали током, который проходил через его пальцы. С каж-

дым шагом становилось все большее, но он не разжимал ладонь, продолжая игру в слова.

Инструкция

Все люди, с момента рождения и до последнего вздоха, приходили в мир и покидали его, едва успев обосноваться, с книгой в руках.

Как только ребенок становился способен читать, он со всем усердием брался за книгу. Когда глаза с возрастом слабели, и человек уже не мог различать маленькие буквы, его родственникам приходилось зачитывать страницы вслух.

Ранним утром каждый житель больших и малых городов, деревень и сёл, открывал свежую страницу. Ссоры, свадьбы, рождения и даже смерть – любое действие определялось ровными машинописными строчками, гармонично переплетенными с нитями судьбы. При этом строго воспрещалось перелистывать книгу больше чем на несколько дней вперед. Таких безумцев было немного, да и, войдя во вкус, они быстро себя выдавали.

А если книга по каким-то причинам оказывалась утерянной, ее в любой момент можно было восстановить в архивном ведомстве.

Вилли, как и прочие дети, прошедшие курс чтения, с глубоким трепетом раскрыл пахнувший типографской краской том. Он давно ждал этого дня. Осилив первую строку, он принялся за вторую и сам не заметил, как дошел до конца

страницы.

Забрезжил рассвет. Вилли уже знал, что ему предстоит знакомство с классом – первая встреча с множеством имен, занесенных в книгу. Одни имена означали дружбу, а другие, напротив, – непримиримую вражду и соперничество. Так начиналась его жизнь, полная удивительных историй, где день – страница, а месяц – целая глава.

Проснувшись, Вилли потянулся к книге. Пошарив рукой по тумбочке, он в ужасе распахнул глаза.

– Опять? – спросил служитель архива.

– Опять, – сказал Вилли.

– Безобразие! – заметил служащий. Открыв лежавшую на столе тетрадь, он отыскал нужную запись. – Это последнее бесплатное восстановление. Если вы вновь потеряете книгу, и у вас не будет возможности оплатить ее, на вас будет наложен штраф в размере годового жалования.

Но не прошло и недели, а книга пропала.

Вилли встал с кровати со слабой надеждой, что найдет ее на кухне, в ванной или в прихожей. Он поискал книгу в дверных проемах, на полках в шкафу и в чулане. Он даже выглянул на лестничную клетку. Закрыв входную дверь, Вилли тяжело вздохнул. У него не было ни книги, ни денег.

Решение нашлось быстро. Он соберет требуемую сумму для выпуска нового экземпляра и избежит штрафа. А чтобы никто ничего не заподозрил, Вилли будет придерживаться

своего обычного распорядка. Неужели он не справится с тем, чтобы спланировать день? Ему достаточно повторять те же действия, что и всегда, не привлекая к себе внимания.

Однако все оказалось не так просто, как он думал. Так солнечный луч, преломляясь в стакане с водой, меняет свое направление.

Проблемы начались с первого дня.

Проснувшись на полчаса раньше обычного, Вилли открыл пустой блокнот и сделал новую запись.

Перебирая в уме промелькнувшие тысячи вторников, Вилли выбирал подходящие. Следуя друг за другом, они становились примером классического вторника, достойного того, чтобы стать новым днем. Продумывая маршрут от работы и до дома, беседы с коллегами и распорядок дня, Вилли чувствовал себя творцом своей жизни. А чем больше новый блокнот будет походить на оригинал, тем лучше ему будет удаваться не привлекать к себе внимание.

Нужно всего лишь ткать день из обыденных минут, скользящих по пространству-времени.

Придя на работу, Вилли заварил кофе, опустил монетки в автомат и вытащил шоколадный батончик. Казалось, что текст воскресал под его пальцами, и это не могло не радовать Вилли, чувствовавшего в себе невероятную силу. Его пьянил аромат утреннего кофе и подтаявшего шоколада.

– Где заявление? – раздался голос начальника за спиной.

– Заявление?

– Да, заявление, которое сегодня должно лежать на моем столе.

Затем он открыл книгу, которую держал в руках, и, перечитав нужный абзац, кивнул:

– Все верно.

– Совсем из головы вылетело. У меня неполадки с принтером, я могу распечатать его у вас?

Вилли вошел в роскошно обставленный кабинет, в центре которого стоял деревянный стол. Мягкие кожаные кресла приятно соприкасались с телом. Начальник быстрым движением засунул стопку белоснежной бумаги в принтер, клацнул несколько раз мышкой и распечатал лист. Затем передал его Вилли и посмотрел на настенные часы, сверяясь с внутренним временем.

От листа пахло чернилами. Несколько букв смазались. Вилли поднял взгляд на начальника, взял гелевую ручку и поставил подпись в правом нижнем углу.

Вещи он заберет завтра.

Покидая офис, Вилли не испытывал ни огорчения, ни досады.

Он медленно брел по улице, цепляясь взглядом за каждую тень.

Вилли думал о том, что теперь ему сложнее будет планировать свой день, и каждая прожитая неделя будет чревата еще большим риском. Он вспоминал, как при свете настоль-

ной лампы выводил буква за буквой строчки, расплескавшись у него перед ногами.

От размышлений его отвлек оклик, раздавшийся с другой стороны улицы. Вилли обернулся на звук и узнал молодую девушку. Это была его подруга.

Сейчас у него не было никакого желания ее видеть.

– Разве мы не должны были встретиться в кафе через дорогу? Или ты забыл?

– Забыл? – переспросил Вилли.

Не дождавсь ответа, девушка ушла. Глядя ей вслед, Вилли не нашел, что ответить. Он только смотрел, как она медленно удаляется и исчезает в толпе.

Вспыхнул красный сигнал светофора.

Вернувшись домой, Вилли посмотрел на чистые листы. Много чистых листов, требующих заполнения. Он не знал, чем их заполнить – ни сегодня, ни завтра, ни всю оставшуюся неделю, казавшуюся бесконечной.

Вглядевсь слишком близко и ошибочно отыскав знакомое, Вилли заблуждался в целом. Он сложил на бумаге будущий день из осколков дней прошлых, но не смог соединить их в красочный витраж.

Неопределенность разрешилась спустя несколько дней. В дверь позвонили.

Курьер в спешке и не поднимая глаз, вручил уведомление из министерства и удалился.

Снова, как неделю назад, и месяц, и много лет до этого, Вилли оказался в пыльном сером кабинете, забивавшим легкие. Прочистив горло, министр достал из ящика стола большую стопку бумаг и вытащил из нее один листок.

– Допроса не будет. Министерству все известно. В этом году вы теряли свою книгу четыре раза, причем два раза – за последние несколько месяцев. На этой неделе вас дважды уличили в нарушениях. В первом случае вы саботировали увольнение, а во втором – будущую помолвку.

Министр отложил документ в сторону. Подождал, пока сказанное им возымеет необходимый эффект, а затем продолжил:

– Министерство постановляет: с целью оградить общество от негативного влияния правонарушителя, с сегодняшнего дня все упоминания о вас в прошлом, равно как и планируемые события в будущем, все общие воспоминания среди ныне живущих будут стерты из книг без возможности восстановления.

Последние слова заглушил шум дождя, забарабанившего по черепичной крыше. Вилли поклонился, поправил воротник пальто и покинул кабинет.

Улицы тонули в расплывавшихся лужах. Все люди прятались от дождя под широкими зонтами. Единственным, у кого не было зонта, оказался Вилли, и случайные прохожие не могли понять, почему так произошло. Все знали о том, что сегодня будет дождь. Так же, как знали, о том, что будет зав-

тра, послезавтра, через год и даже через десять лет. Единственное, чего они не знали – почему идущий им навстречу незнакомец промок до нитки.

Спектакль

Алый, как горящий посреди леса костер, занавес поднялся и обнажил театральные декорации. Зал утонул в аплодисментах. Под высоким потолком погасли яркие люстры, оставив после себя мимолетную слепоту. Сцена погрузилась во тьму. Десятки людей затаили дыхание. Представление началось.

Это место славилось своей публикой. Ухоженные дамы, старательно подбиравшие вечерние наряды, входили в зал под руку с галантными кавалерами. Они рассаживались по удобном креслам, и с откровенной зевотой глядели на пустую сцену. Они прекрасно знали, что здесь собираются все сливки светского общества, а потому не могли пропустить новый спектакль.

Стилмарт впервые оказался в театре. Волей случая ему посчастливилось занять место в первом ряду, и все происходящее казалось окутанным пеленой. Он никогда бы и не помыслил ни о чем подобном, но, как это бывает, когда ничего не ждешь и вдруг получаешь неожиданный подарок, ему вручили билет на представление. Незнакомая женщина сунула ему в руки конверт и растворилась в гуще толпы, прежде чем он успел опомниться.

На следующий день Стилмарт примерил отцовский пиджак. Затем он выплыл из кирпичного дома, крыша которо-

го слегка покосилась, заставляя прохожих с опаской проходить мимо, не догадываясь, что вот уже без малого десять лет для нее это было нормальным положением.

На улице лениво накрапывал апрельский дождь. Засмотревшись на затянутое тучами небо, Стилмарт наступил в лужу. Несколько брызг попало на выцветшие брюки. Досадливо стряхнув грязь, он нащупал в кармане пиджака сложенный пополам билет и направился в театр.

Явился он с небольшим опозданием. Стоявший на краю города театр терялся на фоне серых домов и узких улочек, а потому, забредя несколько раз не туда, куда надо, и спрашивая дорогу у случайных прохожих, Стилмарт заплутал.

Он стоял посреди квартала с раскрытой картой в руках, пристально глядя то на билет, в котором были указаны время и место, то на карту, где это место никак не соотносилось с тем расстоянием, что он прошел. Его ладони вспотели. Он опаздывал.

Стилмарт с детства не любил, когда минутная стрелка обгоняла его шаг. Как только он начинал рассчитывать время, которое нужно было затратить на дорогу, чтобы вовремя попасть на назначенную встречу, на него накатывала волна тревоги. Обдумывая, каким путем лучше следовать, чтобы сэкономить время, он замирал и неизменно его терял в гораздо большем количестве, чем мог выгадать. Стилмарт чувствовал, что внутри него нарастает напряжение, поднимаясь от

живота к горлу, сдавливая легкие и вызывая покалывание в кончиках пальцев. На разгоряченном лбу выступала испарина, в горле застревал ком.

Так было и в этот раз. Прежде, чем он отыскал театр, все возможные стадии волнения прошли через него как электрический разряд. Наконец, спотыкаясь об вытянутые ноги зрителей, он рухнул на свободное место.

Представление вот-вот должно было начаться. Заиграла заунывная музыка.

До лица долетели мелкие брызги, словно мелкий дождь попал в раскрытую форточку. Подул холодный ветер. Блеснул яркий свет, ослепив зрителей.

На сцене стоял пират с безумной улыбкой, обнажавшей золотые зубы.

У него была повязка на левом глазу и деревянный протез вместо ноги.

Кто-то на средних рядах вскрикнул от неожиданности, но затем смущенно захихикал.

Брызги дождя прекратились. Сцена повернулась, и декорации сменились на безлюдный песчаный остров с пальмами. На берегу валялись корабельные доски.

Первую ночь герой провел под открытым небом. Когда пришли сумерки, солнце в верхнем углу уступило серой луне.

Днем пират раскалывал кокосовые орехи и ловил рыбу,

которую вечером жарил на костре. Делал он это настолько неумело, что у него ушел весь день на то, чтобы хоть как-то утолить голод. Дрова для костра он рубил топором, найденным среди выброшенных морем вещей.

Тем временем Стилмарт, не отрывая взгляд от происходящего на сцене, не прекращал думать о той женщине. Ему не терпелось подарить ей букет цветов в знак глубокой признательности, но, ощутив пустые карманы, он отказался от этой идеи.

Пират же приспособился к новым условиям. Он научился ловко сбивать кокосы с пальм, ловить рыбу заостренной палкой и мастерить простые ловушки для мелкой живности. Он даже осмелился зайти вглубь острова, отыскал там глубокую пещеру и обосновался в ней. Во время дождя он спал там под раскатами грома, а вечером прятался от палящего солнца. Пират устроил в пещере склад продуктов, соорудив из камней прохладное место, и не проходило дня, чтобы он не придумал новой идеи, как обустроить дом.

Так он и жил, все больше привыкая к новым условиям и делая их пригодными для комфортной жизни, пока в тихую гавань не заплыл корабль.

Декорации сменились.

На борту корабля находилась правительственная экспедиция, состоявшая из наемных матросов и их старого капитана. Заметив костер, они высадились на берег.

Экспедиция сразу же обнаружила на острове печать человеческого присутствия. На это указывали котелки и прочая кухонная утварь, а также протоптанная среди деревьев тропинка. Пройдя по ней, матросы наткнулись на обжитую пещеру. Там они повстречали и хозяина жилища. В заросшем длинными волосами человеке в рваных лохмотьях вместо одежды едва угадывался прежний пират.

И вот корабль снова отправился бороздить голубые просторы бездонного океана из папье-маше. На этот раз его экипаж пополнился скитальцем с острова.

Пират смотрел на удаляющийся берег, исчезающий в лучах заката. Он перевел взгляд на лазурные волны, на которых играли солнечные блики, а потом вновь поглядел на берег. Недолго думая, герой спустил на воду лодку и под удивленные возгласы матросов покинул корабль.

Свет на сцене погас. Стилмарт, впечатленный красотой увиденного, закрыл глаза, вдыхая легкое дуновение ветра.

Когда он открыл глаза, то не сразу понял, где находится.

Актеры исчезли. На сцене валялись поломанные заржавевшие декорации, покрытые слоем пыли. Даже алый занавес, и тот почернел, изъеденный молью и временем. Спертый воздух сдавил горло, вызвав приступ кашля.

Скрипнуло кресло. Из дальнего угла зала донесся глухой стук.

Стилмарт обернулся на шум и почувствовал, как сзади его

обхватили чьи-то крепкие руки. Резкая боль пронзила плечо. Он упал на пол.

Над ним возвышались фигуры в белых халатах. От их близости неприятно защипало глаза. По щекам Стилмарта потекли слезы. На вкус они оказались солеными, как морская вода.

Он лежал на полу крошечной одиночной камеры с деревянным табуретом и низкой кроватью. Растерянного, находящегося в полном недоумении Стилмарта силой поставили на трясущиеся ноги. Сняли с него смирительную рубашку и повели куда-то по тесному коридору, усеянному мерцающими лампочками. От укола болело плечо.

Дойдя до конца коридора, белые халаты привычным движением вставили ключ в замочную скважину.

Бесцеремонно вытолкнув Стилмарта во внутренний двор больницы, они захлопнули массивную дверь. Ключ в замке повернулся.

На улице моросил ледяной дождь. Стилмарт отрешенно смотрел на хмурое небо, отчаянно надеясь, что это всего лишь сон и что он скоро проснется. Тогда он снова сможет насладиться спектаклем, актерской игрой и мягким креслом.

Но как Стилмарт ни старался, проснуться ему не удалось.

Кладбище

Первое, на что я обратил внимание, когда мы переехали в новый офис, – старинное кладбище.

Оно располагалось напротив офисного здания, стеклянная лицевая сторона которого переливалась в лучах после-полуденного солнца. Из окна десяти этажей, даже с самых дальних уголков просторных помещений были видны деревянные, каменные и мраморные кресты, которые, казалось, торчали буквально у нас под ногами.

Впервые оказавшись перед новым офисом, я осматривал его, примериваясь к формам и размерам, и еще долго витал бы в своих мыслях, но протяжный скрип вернул меня в реальность. Это покачивалась на ржавых петлях кладбищенская калитка.

Тогда я и увидел шуплого старика – местного сторожа.

Первый день я обживался на новом месте. Облагораживал рабочий стол канцелярскими принадлежностями, расставлял по шкафам вещи и документы. Сложнее оказалось справиться с оставшейся от прежних владельцев – грязью и накопившейся пылью. Я нехотя взял мокрую губку и принялся протирать полки шкафов. Я так долго к этому готовился, что губка успевала высохнуть в моих руках, и тогда приходилось смачивать ее снова. Так повторялось несколько раз:

едва коснувшись тонкого прозрачного слоя, я сразу начинал чихать до тех пор, пока не смывал с себя остатки пыли, загнув голову под струю холодной воды.

На улице разливалась вечерняя прохлада. Я проводил взглядом закат, продолжив стоять неподалеку от офиса. Не ушел я домой и когда совсем стемнело. Что-то влекло меня туда, за пределы кладбищенской калитки.

Высокие крестообразные надгробия отбрасывали длинные широкие тени, которые, казалось, были повсюду. От холода кожа покрылась мурашками.

Осторожно продвигаясь вперед по аллее, я осматривал захоронения. На кладбище оказалось на удивление чисто. Было видно, что за могилами старательно ухаживали – косили траву, выпалывали сорняки, собирали мусор. Даже там, где на надгробных плитах давно стерлись имена и даты, поддерживался порядок. Возле каждой могилы стояла деревянная скамейка, пусть и грубо сколоченная из простых досок.

Находя запечатленные на ледяном мраморе памятные слова, я читал их вслух, вздрагивая от незнакомой дрожи в собственном голосе. Приходилось по крупницам восстанавливать целые предложения. А когда это удавалось, меня переполняла неподдельная радость.

Неожиданно на другом конце кладбища раздались размеренные глухие удары. Они повторились с десятков раз с небольшим интервалом.

Ноги стали ватными.

Стук делался отчетливее. Оглядываясь по сторонам, я пытался определить его источник.

Наконец возле одной из могил я заметил какое-то движение. Сначала его было трудно разобрать, но затем мне удалось различить человеческий силуэт.

Показался сторож.

Услышав мои неровные шаги, он отставил лопату в сторону, вытер лоб тыльной стороной руки и повернулся ко мне. На его лице играла добродушная улыбка, никак не соответствовавшая обстановке вокруг нас.

– Чем могу помочь? – спросил он.

Я поспешил извиниться за то, что отвлек его от работы, сбивчиво рассказав, как очутился тут, на кладбище, и в конечном счете признался, что заблудился.

В ответ сторож лишь махнул рукой в сторону выхода. Кивнув напоследок, он вернулся к работе.

На следующий день я вернулся. Проходя по убраным дорожкам мимо редких групп скорбящих родственников, я улавливал обрывки фраз, произносимых шепотом.

Наконец я нашел его и, неспешно подойдя ближе, присел на скамейку. Вдохнул свежий аромат разросшейся листвы. Сторож отложил лопату в сторону, как будто мое появление было само собой разумеющимся.

Вскоре так оно и стало. Мое рабочее утро плавно перетекало в обеденный перерыв среди белого мрамора и зеленой

листвы, а затем я возвращался в просторные офисные коридоры, залитые люминесцентным светом.

Старик чаще всего безмолвствовал. Тогда каждый из нас занимался своим делом: он работал, а я задумчиво глядел вдаль. Но иногда, и эти редкие минуты были для меня особенно ценными, старик откладывал в сторону свои инструменты и присаживался рядом. Мы начинали беседу. Точнее начинал старик. Его разговор скорее походил не на диалог со мной, а на рассуждение вслух – монолог, в котором он ткал из мыслей полотно своих воспоминаний.

Временами старик так увлекался повествованием, что мне было трудно определить место и время действия, а отсутствие четкого представления о том, когда он стал сторожем, а это всегда опускалось в разговоре, вносило еще большую путаницу в рассказ. Поэтому беседы с ним скорее напоминали попытку собрать картинку из рассыпанных пазлов, при этом нужных фрагментов в наборе не было, и приходилось составлять картинку любым способом – из всех доступных материалов.

Но рассмотреть какие-либо детали через мутную пелену воспоминаний было невозможно, потому мне оставалось наслаждаться общей перспективой.

Однажды я, как обычно, пришел на кладбище, прошел по аллее, но не услышал знакомого стука лопаты об землю. Не увидел вскопанной для посадки цветов земли, не почувство-

вал запаха срезанной травы, не обнаружил никаких признаков жизни. Как будто с хорошо знакомой картины пропала ключевая деталь.

Закутавшись в пальто и зябко поеживаясь, я направился к выходу.

Прошла неделя. Я каждый день заходил на кладбище, надеясь застать там привычные звуки и образы.

Кладбище приходило в запустение: могилы заросли, деревянные скамейки покосились. И чем больше оно нуждалось в заботливых руках, тем тоскливее становилось на душе.

Спустя какое-то время я заметил, что дверь в сторожку приоткрыта. Сердце учащенно забилось. Из сторожки вышел грузный незнакомец. Взглянув на меня, он снял широкополую шляпу и отвел взгляд в сторону.

Скорбь застряла в горле и растворилась в тишине. «На кладбище не умирают», – подумалось мне.

Прошло несколько месяцев. После той встречи я больше не возвращался на кладбище. Изредка проходя мимо, я прикасался к калитке, не отворяя ее.

Я всматривался в проходящих на кладбище людей и глазами искал среди них сторожа, а не найдя – уходил.

В один из таких пасмурных дней, когда солнце еще не взошло, а ему уже пора было садиться, я, наконец, нашел в себе силы.

Время не лечит. Время рубцует раны, оставляя корочку из

привычки. То, что еще совсем недавно волновало нас до боли в сердце, со временем стирается из памяти, теряя краски.

Отворив калитку, я ступил на промозглую осеннюю землю. Аллея поросла жухлой травой и за ней едва угадывались прежние газоны.

Могилы и ограды пребывали в не меньшем запустении. То тут, то там торчали сорняки, скамейки совсем покосились, а памятники, засыпанные опавшей листвой с птичьим пометом, навевали тоску.

Я шагал все дальше, по хорошо знакомому маршруту. Мне попадались лишь мятые пластиковые стаканчики, обертки от конфет и использованные салфетки.

Позже мне довелось познакомиться с новым сторожем. Высокий мужчина вышел из покосившейся сторожки, окинул меня равнодушным взглядом и молча запер дверь. Но прежде, чем скрип двери потонул в тишине, я успел разглядеть в дальнем углу комнаты знакомую лопату. Треснувший инструмент был небрежно прислонен к стене.

На следующий день я вернулся на кладбище. Выудив из кармана плотной куртки теплые перчатки, я принялся за дело. Но перед этим я долго осматривался, примеряясь к будущему фронту работ, и отгонял от себя мысли о том, как здесь же грязно. Я словно попал в детство, когда, стоя с мокрой тряпкой в руках, с закрытыми глазами тянулся вперед, к широким пластам старой пыли.

Сначала я убрал главную аллею и срезал косой зеленую

полосу высокой травы. В мусорный пакет вслед за ней отправились стеклотара и бумажки.

Затем я принялся за могилы. Отремонтировал покосившиеся скамейки, убрал мусор и опавшую листву.

Так протекал каждый будний день. Я возвращался вечером, после работы, когда посетителей уже почти не было.

В один из таких вечеров я смахнул со лба липкий пот и огляделся вокруг. Аллея вновь была видна с любого ракурса, а мраморные кресты блестели в лучах заходящего солнца.

Я сложил инструменты в рюкзак и направился к выходу. Руки саднило от мозолей, тело отдавалось глухой болью при каждом шаге, но запах скошенной травы приятно щекотал нос.

Последний луч заходящего солнца отразился в могильных плитах и исчез вместе со скрипом кладбищенской калитки позади меня.

Лабиринт

Кофе обжег пересохшее горло. Ларри не почувствовал его вкуса, но отчетливо ощутил аромат свежемолотых зерен.

В кафе он был один, не считая персонала. Бармен протира­рал последний стакан, нетерпеливо по­с­мат­ри­вая на на­стен­ные часы. Официант заносил через дверь плетеные кресла с веранды.

«Интересно, это они так намекают, что закрываются?»

Отхлебнув кофе, Ларри неспешно поднялся и задвинул кресло под стол.

Такое ощущение, будто он уже бывал здесь раньше.

Ларри направился к выходу.

На стене рядом с дверью висела доска. На ней булавками были прикреплены фотографии. Ларри подошел ближе. Бармен покосился на часы.

Ларри сосредоточенно вглядывался в миниатюрные фотокарточки. Погружаясь в них, он перескакивал с одного фрагмента на другой, пока, наконец, не наткнулся на старый выцветший снимок.

Вероятно, это фото было свидетелем появления всех остальных. Пока коллекция пополнялась, разрастаясь, словно лес из нескольких семян, старая фотокарточка возвышалась над всеми и притягивала взоры посетителей. На ней можно было различить две фигуры: молодых парня и девуш-

ку со сплетенными руками. Фигуры стояли спиной к морю и смотрели прямо в объектив. У девушки были золотые волосы, на ее чистом лице играл яркий румянец.

Даже когда он вспыхивал, будто языки пламени, щеки ее всегда оставались прохладными.

В такие моменты от нее сильно пахло кокосовым шампунем и миндалем.

«Откуда я это знаю?» – подумал Ларри.

Скрипнула, закрываясь, дверь кафе. Ларри плотнее запахнул пальто. Холодало.

Обойдя несколько кварталов, он дошел до того места, где свет фонарей резко обрывался.

Стекла очков запотели. Ларри протер их рукавом свитера и водрузил очки обратно на нос. Размеренное мерцание светофора изредка перебивало пустоту мыслей. Загорелся зеленый свет.

Свернув за угол, Ларри вышел к крошечному скверику. Расставленные кольцом скамейки окружали фонтан. В центре фонтана лежали гранитные плиты, по которому когда-то струилась прозрачная вода. Сейчас они были покрыты толстым слоем пыли.

Все вокруг было завалено мусором, пустыми бутылками и целлофановыми пакетами. Из фонтанных труб торчали окурки.

Под грудой хлама он отчетливо видел, каким это место

было раньше. Стоило лишь протянуть руку – и по ней заструится вода. Достаточно было сложить ладони, чтобы погрузиться в собственное отражение.

Ларри устало прикрыл глаза, но так и не смог сплести в клубок обрывочные воспоминания. Как только они возникали, то тотчас обрывались.

Отдохнув, он отправился дальше – туда, где шумел никогда не засыпающий город, по чьим артериям струились образы его жителей.

Однако город спал, во всяком случае, готовился ко сну. Таблички на магазинчиках переворачивались обратной стороной, двери запирались на ключ. Лишь кое-где открытые бары продолжали принимать гостей. Из кинотеатра вышел зритель, закурил сигарету и смачно сплюнул. Докурив, он бросил тлеющий окурок на землю.

Яркий неоновый свет на противоположной стороне улицы привлек Ларри, как влечет мотылька свет вспыхнувшей лампочки, и он направился к синим буквам, мерцавшим на стене. Из раскрытых дверей доносилась музыка, как бы приглашая его войти.

Привыкнув к полумраку в зале, Ларри подошел к бармену и заказал односолодовый виски.

Взяв граненый стакан с напитком, Ларри прошел к угловому столику. Приглушенный свет действовал умиротворяюще. От знакомой мелодии по коже пробежали мурашки и

выступили маленькими точками на руках.

Лед в стакане звякнул. Вкус не чувствовался.

Закрыв глаза и погружаясь в ритм знакомой мелодии, Ларри заметил, как в груди потеплело. Бармен предложил обновить. Ларри кивнул. В стакане звякнул лед. Еще кивок. Лед опускается на дно, бряцает, медленно тает и скользит по прозрачным стенкам. Лед смешивается с виски.

Кивок застывает в воздухе. Бармен возвращается за стойку.

Стараясь идти прямо, Ларри удивлялся тому, как мир крепился то вправо, то влево, отражаясь бликами в стеклышках линз. Ночные заведения одно за другим закрывались, горожане штурмовали двери круглосуточных магазинов.

Выйдя на мостовую, Ларри вдохнул свежий запах реки. Разделявший набережную, или вернее, соединявший берега мост оказался увешан множеством миниатюрных замочков. Их бряцанье перекликалось с порывами ветра, гулявшего по опустевшим улицам. Пошатываясь, Ларри подошел ближе, всматриваясь в стершиеся надписи. На металлической поверхности замочков встречались имена, любовные письма и короткие истории знакомств.

Ларри взгляделся в один из замочков. Надпись на нем почти не угадывалась, однако казалось, что стоит лишь всмотреться – и пробелы в предложении заполнятся нужными буквами. Но замочек успел заржаветь, и строчки были едва раз-

личимы. Проведя рукой по надписи и коснувшись подушечками пальцев гравировки, Ларри вспомнил, как он когда-то уже выводил на гладкой поверхности букву за буквой.

Икнув, он облокотился об перила. Водная гладь пошла рябью. Луна отчетливо виднелась на поверхности реки.

«Почему же я не могу вспомнить, когда был здесь в прошлый раз? Ни имен, выгравированных мной, ни ее лица...»

Ночь завладела городом. Рекламные вывески и свет в окнах мерцали в непроглядной темноте.

Ларри казалось, что если он отыщет еще какую-нибудь, пусть самую незначительную деталь, вспомнит какое-то событие из прошлой жизни, тесно связанное с настоящим, то пазл непременно сложится. Поэтому, блуждая по некогда знакомым улицам, вглядываясь в кроны деревьев, вслушиваясь в шелест ветра и гул редких машин, Ларри стремился отыскать прежде всего самого себя. Однако то, что казалось ему реальным, при ближайшем рассмотрении развеивалось, словно пепел на ветру. Всматриваясь в названия улиц на металлических табличках и произнося их вслух, он двигался к центру города. Фонарей становилось все больше, мрак отступал.

Порой ощущение чего-то знакомого становилось настолько сильным, что Ларри мчался вперед, перебегая перекресток за перекрестком и слыша за спиной визг тормозов машин, едва успевавших остановиться перед несущимся ку-

да-то полуночником. Но стоило образу прошлого отчетливо замаячить за ближайшим поворотом, стоило приблизиться к нему вплотную, вдохнуть его запах, и он тотчас ускользал.

Если бы Ларри просто находился в незнакомом для себя месте и не имел представления о том, куда держать путь, то это пугало бы его куда меньше, чем ощущение чего-то знакомого, едва уловимого, родного, но внезапно ставшего чужим. Его место в мире, обведенное остро наточенным карандашом, казалось стертым, и лишь по следам на плотной бумаге он мог догадываться о том, что оно действительно было.

Он пытался схватиться за любой малозаметный отклик, препарировав его сантиметр за сантиметром, но снова оставался ни с чем. Он проходил улицу за улицей, вглядываясь в лица редких прохожих и не находя ответа на свои вопросы.

Ларри присел на скамейку возле храма, чтобы перевести дух.

«Может ответ там?»

Вглядываясь в позолоченные купола, Ларри знал, где солнечные лучи отражаются в них на рассвете. Он знал, как струится свет из окон с наступлением темноты, когда в пропахшем ладаном помещении начинается вечерняя месса и голоса различных тональностей сливаются в единый хор. Конечно, он все это знал, хоть и не подозревал откуда.

После долгой прогулки в горле пересохло. Заприметив неподалеку круглосточный магазин, Ларри направился к

нему. За прилавком стоял низкорослый мужчина. Он тихо поздоровался, показал на автомат с водой и зевнул в ожидании оплаты.

Ларри взял газировку, но, подойдя к кассе, не нашел наличных. Пошарив по пустым карманам, он покосился на дверь. Отогнав возникшую было мысль, он уже подумывал вернуть бутылку в автомат, но вдруг что-то нащупал в кармане куртки. Это оказалась кредитная карточка. Вставив ее в терминал, он стал ждать короткого щелчка оплаты, но появившееся на экране сообщение известило о необходимости ввести пин-код.

«Она точно моя?»

Наспех введенный код выдал ошибку. Не помогли и подсказки продавца о том, что это может быть дата рождения или памятный год, любимая комбинация цифр или даже собственный рост. Все это было для Ларри пустым звуком. Попробовав несколько вариантов, он вынул карточку из терминала. Он не мог вспомнить ни одной из перечисленных комбинаций, даже если бы среди них и была подходящая.

В горле запершило.

Близился рассвет. Об этом возвещала утренняя прохлада и мурашки, проступившие на посиневшей коже. Сворачивая за угол, Ларри натыкался на те же стены, что и за предыдущим поворотом, а само небо казалось все ниже, как будто в комнате пыток, где стены смыкаются вокруг жертвы. Улицы

превратились в лабиринт.

Силы окончательно покинули Ларри. Прислонившись к холодной кирпичной стене, он сполз на землю. Начинало светать. Совсем скоро солнце отразится в глазах миллионов людей. Заведения возобновят работу, кинотеатры начнут показывать фильмы, опустевшие дороги заполнят автомобили, и только он по-прежнему будет идти без всякой цели в неизвестном направлении.

Ларри услышал торопливые шаги. Звонко процокали по тротуару каблучки, оставив после себя шлейф знакомого запаха золотых волос.

Ларри вскочил. Рванул за миражем, проплывшим прямо перед ним. Уставшие ноги едва слушались, но он продолжал бежать без оглядки. Миновав поворот и оказавшись на пустой улице, Ларри вслушался в ускользящий звук. Ему казалось, что совсем скоро он настигнет его, что, свернув за угол, он наткнется на огонь длинных волос и, окликнув, заставит мираж остановиться.

Но как бы быстро Ларри не бежал, как бы ни прислушивался к городским шорохам, как бы ни всматривался в темноту ночи, сменяющуюся лунным сиянием, ему никак не удавалось настичь желаемое.

Спустя время тишину улицы разрезал долгожданный цокот острых каблучков. Изгибы открытой спины отразились в окне, словно платье плыло по дороге. Ритм ее походки рас-

ходилась, как круги по воде, и по мере того, как она удалялась, цокот каблучков становился все тише, растворяясь в пространстве.

«Неужели это она?»

Его рука потянулась к осколкам памяти и легла на хрупкое плечо. Раздался пронзительный крик. На Ларри с ужасом глядело совершенно незнакомое лицо. Из девичьих глаз брызнули слезы. Цоканье каблучков убегающей девушки эхом отозвалось в голове.

Они не были знакомы.

Оглушенный, ошарашенный, остолбеневший, он пытался собрать воедино кусочки воспоминаний, но от этого они все больше рассыпались. Он не знал, куда идти дальше. Не знал, что ему нужно искать и что он может найти.

Утренний холод гнал его все дальше.

Наступил рассвет.

Чтобы согреть замерзшие руки, Ларри зашел в один из домов. Бездумно преодолевая пролет за пролетом, он поднимался по лестнице.

Преодолев последнюю ступеньку и навалившись на металлическую дверь, Ларри вышел на широкую крышу. На ней всюду завывал ветер. Первые лучи солнца уже пробивались сквозь облака. Ларри был потрясен. Перед ним вместо раскинувшегося громадного города застыло белое молоко тумана.

Ларри поежился от пронизывающего холода.

Здесь, на крыше случайного здания, ощущение чего-то знакомого не подкрадывалось сзади. Оно не давило, не наваливалось мертвым грузом. Оно отступало.

Ларри закрыл глаза и сделал несколько шагов вперед. Во рту появился кислый привкус.

Звон будильника разорвал тишину.

Нотами сотканный мир

Проснувшись среди ночи, Гленн не сразу понял, где находится. Поднявшись с кровати, он нащупал в темноте стакан воды и поднес его ко рту. Прислушался, не разбудил ли соседскую собаку. Выдохнул. Этой ночью он кричал не так сильно, как обычно.

Протянув руку к тумбочке, он включил лампу. Темнота осталась.

Гленн встал с кровати, подошел к окну и раздвинул шторы. Сколько бы он ни пытался вглядываться в темноту, ему так и не удалось увидеть ни фонарь, горевший по ночам вблизи дома, ни занимавшийся за окном рассвет.

Вдалеке раздалось пение птиц.

О том, что его глаза скоро не смогут видеть даже солнечный свет, он узнал совсем недавно. Диагноз так обыденно сорвался с губ доктора, что Гленн не сразу смог собрать буквы в слова. Выдержав короткую паузу, врач спросил, есть ли у него родные и близкие, которые смогли бы ему помочь в период адаптации? Гленн живо представил себе жизнь, в которой лишь стук трости по мостовой напоминает о том, что его и внешний мир еще что-то связывает. «Нет, родных и близких у меня нет», – ответил он.

Покинув клинику, Гленн вернулся домой глубокой ночью.

Добредя до кровати, он упал на прохладную постель.

Стены комнаты рухнули. Возник просторный кинозал. На прозрачном экране бушевал океан. Порой приходилось закрывать глаза, иначе их обжигали брызги соленой воды, долетавшие с экрана. Небо заволокло свинцовыми тучами. То тут, то там возникали водовороты и увлекали в пучину суденышки, пока последний деревянный обломок не исчез в толще воды.

А затем все стихло. Солнечные лучи скользили по изумрудной глади. Вдалеке слышались резкие крики пролетающих чаек. Острые плавники показывались над водой, а затем исчезали в морских глубинах.

Экран погас. Стало душно. Он ощутил, как что-то сдавило горло. Гленн пытался вырваться, отбиться от того, кто тянул к нему руки из темноты, пока не понял, что пальцы, сжимавшие горло мертвой хваткой – его собственные. Вскрикнув, он проснулся.

Зрение слабело незаметно. Иногда надежда на то, что произошла чудовищная ошибка, заставляла его за завтраком или во время прогулки, когда он стремился охватить взглядом весь мир, но через миг покидала его. Отдаленные объекты покрывались рябью. От напряжения на глазах выступали слезы.

Следуя предписаниям врача, Гленн подобрал себе трость. Выбрал он черную, с серебристой рукоятью. Трость была

приятной на ощупь и удобно складывалась пополам. Легкие постукивания по твердой поверхности вибрацией отдавались в пальцах.

Затем он отправился за собакой-поводырем.

Гленна услужливо встретили у ворот огороженного высоким забором приюта и проводили внутрь. Пудели, спаниели, борзые и хаски настойчиво лънули к ногам гостей. А те, в свою очередь, терялись в догадках, как одним решением можно одновременно сделать счастливым одного и несчастными всех остальных.

Облизанный, облаянный и искушенный, Гленн уже не отличал одного пса от другого, но тут его внимание привлек щуплый золотистый ретривер. Поджав хвост, он безучастно смотрел на разыгравшуюся сцену, будто дублер, который знает, что не пригодится на сцене. Гленн подошел к нему.

Ретривер зашелся лаем, но увидел протянутую к нему руку и успокоился. Сухие ладони скользнули по длинной спутанной шерсти. Сквозь кожу отчетливо прощупывался скелет.

Трость ожидала в прихожей, а собака – на коврик у дивана. Оставалось совершить невозможное – подготовиться к скорой слепоте. Блуждая по собственному дому с закрытыми глазами, Гленн постепенно привыкал ориентироваться в пространстве. Но успеха он так и не достиг. Разбитая ваза и сваленный торшер напоминали об этом.

После безуспешных попыток совладать с новой жизненной реальией, Гленн сел напротив камина и учился чтению вслепую, которое давалось ему крайне тяжело.

Зрение становилось все хуже. Удаленные объекты расплывались, превращаясь в мелкую точку на окне. Гленну стоило огромных усилий сосредоточиться и понять, что перед ним находится кошка, а не маленький ребенок. Ему хотелось опустить руки, сдаться и погрузиться в горькое отчаяние. Но времени оставалось все меньше, и нужно было продолжать подготовку.

Гленн сделал глоток, протянул руку и аккуратно поставил стакан на стол.

Утром ему нужно было сделать то же, что и всегда: выпить воды. Он уже это сделал. Затем надо неспешно пройти в ванную и принять бодрящий душ. Намылить шампунем голову. Взять гель с миндальным ароматом и нанести его на тело. Смыть, вытереться досуха полотенцем. Надеть свежее белье и, смазав непослушные волосы слоем воска, уложить их расческой.

Он сделал несколько шагов вперед, споткнулся и распластался на полу. Кто-то вскрикнул. «Это же мой крик», – понял Гленн и почувствовал на затылке дыхание пса.

Дом в один миг стал чужим. Казалось, что в нем изменили планировку, не оставив ничего от прежнего владельца. Вспомнив расположение комнат и мебели, Гленн не сразу

смог нащупать дверь, ведущую в коридор. Выйдя из комнаты, он попытался добраться до кухни. Вытянув руки в стороны, он медленно продвигался вперед, ощупывая каждый выступ. Вспомнив, что трость осталась в комнате, Гленн не решился вернуться обратно. Он ведь так много прошел. Осталось лишь дойти до кухни.

Когда Гленн закончил свой путь, у него немного саднили пальцы ног и ныло колено. Нащупав стул, он перевел дух. Необходимо было расчистить коридор для удобства передвижения по дому.

Гленн открыл дверь на веранду. Медленно спустился по лестнице, держась за перила. По протянутой руке разлилось солнечное тепло. Он не мог видеть, но чувствовал, как яркие лучи касаются опущенных век. Стоит сделать несколько шагов вперед, и он окажется за пределами дома, а пройдя десять метров, то и за участком. Перед Гленном простиралась широкая улица, сужавшаяся к склону.

На следующий день он справился лучше. Маршрут оставался прежним – «комната-кухня». Завершив свой обход, Гленн отдыхал с книгой у пустого камина. Поначалу это трудно было назвать чтением. Слова путались, и невозможно было отличить одну букву от другой.

Со временем тонкие пальцы стали увереннее скользить по рельефной бумаге. С каждым пройденным сантиметром Гленн читал все лучше. Вскоре он перебирал пальцами также быстро, как еще недавно пробегал глазами текст. На-

чав со знакомых книг, Гленн поначалу испытывал трудности с длинными предложениями, но не терял нити повествования.

Иногда Гленна навещал социальный работник. Женщина, как он определил по ее низкому голосу, была с ним обходительна.

В один из дней, когда солнечные лучи мелькали в листве деревьев, Гленн спустился с веранды и ощутил под ногами твердую почву. Несколько шагов увеличили расстояние между ним и домом. Он опустился на колени и приложил руки к земле. Холодный грунт впился в сухие ладони. Пахло торфом. Сквозь толщу воспоминаний прорезался стойкий запах поля, которое в детстве он возделывал вместе с бабушкой. И почему он раньше не замечал этот запах? «Нужно будет попросить принести семена для посадки», – подумал он.

Теперь Гленн все дальше и дальше уходил от дома в сопровождении пса и лакированной трости. Когда наступили теплые вечера, он подолгу сидел под открытым небом в мягком кресле, пока внезапная прохлада не загоняла его обратно в дом.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как он осмелился выйти за пределы участка. Сначала это были небольшие прогулки по окрестностям, но теперь Гленн направлялся к городскому парку, предвкушая пьянящий запах свободы.

Ноги помнили извилистую тропу, посыпанную мелкой щебенкой. Проходя под сводом высокой арки, Гленн вспоминал чудесный сад с фонтаном, расположенный неподалеку. До чуткого слуха долетел звук журчащей воды. В воздухе разливался аромат цветущих клумб и скошенной травы. Выставив вперед трость, он направился вглубь аллеи.

Порой ему казалось, что это лишь игра, нелепое притворство и если он раскроет глаза, то снова увидит все вокруг так же ясно и отчетливо, как и прежде. Но когда он открывал их, то оставался в непроглядной тьме, окруженный непрístupным миром образов, хранившихся в его памяти.

Пес замер. Пошарив вокруг себя тростью, Гленн определил, что стоит перед скамейкой в конце парка. Гленн помнил это место. Раньше ему доводилось отдыхать у речки, протекавшей чуть ниже. А если замереть и прислушаться, то можно различить слабый плеск волн, который исходит от проплывающей мимо стаи уток. Они частенько прибиваются к песчаному берегу. Присев на деревянную скамейку, Гленн подставил лицо солнцу.

Хотя Гленн и не мог видеть, но он слышал и даже ощущал зеленые листья густых деревьев, раскинувшихся над ним. Их шелест сливался с тихим плеском волн.

Он постепенно осознавал всю глубину окружающего мира: пение птиц, прозрачный плеск воды и шум ветра, колышущего дерева. Чувствительный к переменам, Гленн наслаждался даже самыми незначительными вещами. Об увели-

чении поголовья уток на пруду он узнавал по плеску волн, исходящих от них, а о появлении новых птиц – по характерным трелям.

Отныне утро текло размеренно. Проснувшись, Гленн первым делом вслушивался в звуки за окном. Мерный топот ног по мостовой и удары дождевых капель по черепице крыши задавали ритм, который он научился безошибочно угадывать. Вскоре он заметил, что звуки как бы сливаются в единую симфонию, где каждому отведено свое место в оркестре. Один звук сменялся другим, за ним возникал третий. Иногда репертуар менялся, но само звучание от этого лишь выигрывало. Так, кваканье лягушек в пруду гармонировало с пением скворца.

Когда солнце садилось за горизонт, и сидеть на веранде, подставив лицо легкому ветру, становилось прохладно, Гленн заваривал зеленый чай из грецких орехов и тропических фруктов. Затем он брал книгу и, расположившись на диване, скользил пальцами по рельефным листам плотной бумаги. Гленн проводил пальцами по страницам, от которых пахло свежей типографской краской, и образы оживали на их кончиках. В полуночной темноте слышался лишь шелест переворачиваемых страниц да сопение пса.

Однажды, проходя мимо захудалой церквушки в конце улицы, Гленн уловил звуки музыки. Это был церковный орган. Звук едва пробивался сквозь шум плотного потока автомобилей. Вслушиваясь в волны нарастающей гаммы, Гленн

пошел на звук. Трость уперлась в лестницу приходской церкви, и, поднявшись по высоким каменным ступеням, он оказался у массивных ворот.

Органские концерты в местной католической церкви проходили каждое воскресенье. А где еще, как не там, слепой мог бы насладиться обществом тех, кто закрывает глаза в порыве чувств? То, что прежде его не волновало, теперь хлынуло в распахнутую душу, впитывающую новые ощущения, как сухая губка впитывает воду. С чувством, расстановкой и глубоким благоговением он погрузился в нахлынувшее буйство звуков и запахов, оседающих на мочках ушей и кончике носа.

Вспыхнувшие образы мгновенно закружили гостя в водовороте ощущений, а затем погасли, будто рассыпанные на небе звезды. Перед его взором представали картины, похожие на те яркие сны, которые он видел и после того, как ослеп. Просыпаясь и протягивая к ним руки, он хватал пустоту, но ладони разжимались и образы исчезали.

День сменялся ночью. Ночь сменялась днем. Наручные часы продолжали отмерять бесконечный ход времени, и, сосредоточившись на едва уловимом движении секундной стрелки, Гленн мог разобрать шестьдесят коротких остановок на циферблате. Время то ускорялось, то замедлялось, и неизменно растворялось в топоте ног, шелесте листьев, скрипе двери. Воскресенье сменял понедельник, и лишь по

мурашкам на озябшей коже Гленн узнавал, что наступил вечер. Утро сопровождалось криком соседского петуха. Отпала необходимость в календарях и блокнотах, заполненными мелкими заметками на каждый день, тянущийся, как жвачка жизни, которая с годами утрачивала вкус.

Гленн вслушивался в то, как медленно закипает вода в металлическом чайнике, как скворчит на сковороде фарш с мелко нарезанным луком, как хрустят под ногами ветки.

Однако самыми удивительными оказались различия в тишине. На рассвете она была умиротворенной, а вечером – безмятежной, но полной сил, как восходящая луна, разливающая свой свет над спящим городом. А дневная тишина! Вздремнув после обеда, Гленн вставал с дивана и в полном одиночестве отправлялся в парк, впитывая по пути спокойствие, словно в детстве, когда он оставался один в пустом доме.

За окном завывал промозглый ветер. В стопку прочитанных книг отправился очередной томик. С того момента, как Гленн погрузился во тьму, прошло полгода. Чем больше он свыкался с тем, что глаза его слепы, тем больше понимал, как мало ему теперь нужно и насколько многим он обладал. Гленн проникался ощущениями, накапливая их, как пчелы накапливают воск для сот, расходуя по крупице и никогда не беря больше, чем ему было нужно.

Но радость открытий омрачали другие звуки: крики, брань, возгласы боли и отчаяния. Гленна расстраивала суета

окружавших его людей, и чем больше он погружался в эти мысли, тем больше находил им подтверждений.

Гленн вдруг осознал, какой мир окружает его. Мир, где из-за отъезжающего автобуса незаметны распустившиеся гиацинты, которые он не мог видеть, но остро ощущал их аромат на обочине дороги. Мир, в котором время наручных часов поглотило красоту видимого пространства: скошенной лужайки, распустившегося цветка, созревшего плода.

Торопливые шаги, сбивчивое дыхание, шум голосов сливались в какофонию звуков, доводя Гленна до изнеможения.

Опустошенный, он искал, чем бы себя заполнить. И, наконец, нашел.

Гленн достал из ящика нож. Аккуратно наточив его, он взял полено, некогда предназначенное для растопки печи. Он вспомнил, как еще в школьные годы любил работать с деревом, вырезая из фанеры причудливые фигуры, а затем трепетно покрывая их лаком.

Он медленно провел рукой по поверхности материала и приступил к задумке. Гленн скоблил брусок дюйм за дюймом, проводя подушечкой большого пальца по обработанной поверхности. Сначала осторожно, а затем все увереннее он определял форму будущей фигуры, отсекая лишние части деревянного бруска. Иногда он откладывал нож в сторону и обеими руками «всматривался» в получающуюся статуэтку. Затем вновь брался за нож и резкими движениями уплотнял

рисунок, пока выступавший барельеф не приобретал форму.

В школьные годы ему нередко доводилось изготавливать поделки в короткий срок, но после такого долгого отсутствия практики и с теми ограничениями, которые у него были, ему с трудом удавалось совладать с пускай и благородным, но все-таки неподатливым материалом. Нож плохо его слушался, то и дело норовил выскользнуть из пальцев, оставляя на руках мелкие порезы.

Творил Гленн много. Чаще всего это были фигурки птиц и животных. Все, что он мог себе представить, рождалось по мановению его руки. Готовые работы он выставлял у входа на веранду. Импровизированный подиум без зрителей каждый день пополнялся новой моделью.

Однажды соседский мальчик случайно забросил мяч на участок Гленна. С опаской подойдя к веранде, ребенок не поверил своим глазам.

Повертев в ладошках миниатюрного воробушка, гость поднял фигурку к небу, как будто птица могла вспорхнуть и улететь. В дверях появился Гленн. Мальчик смущенно поздоровался и притих. Поколебавшись мгновение, Гленн поднял оброненную фигурку и протянул ее перед собой. Тепло маленьких пальчиков коснулось грубых рук. Гленн услышал топот ножек, удаляющихся от участка.

На следующий день они встретились вновь. Вытянув вперед руку, Гленн почувствовал, что в нее вложили что-то тяжелое. Это оказалось несколько брусьев.

Близилась осень. Опавшие листья хрустели под ботинками. Сбивался ритм трости, путавшейся в опавшей листве. Не стало слышно птиц. Все чаще Гленн надевал пальто вместо легкой куртки и все больше времени проводил в уютных стенах дома. Пол у камина был уставлен поделками, но ни одна из них ему не нравилась. Веранда пустовала.

Наступил сентябрь. Ясное небо заволокло плотными тучами, о которых Гленн мог только догадываться.

Густой воздух наполнился запахом дождя. Вытянув вперед руку, Гленн почувствовал, как мелкие капельки упали в раскрытую ладонь.

Дождь усиливался. Звонкий перестук бесчисленных ударов рассыпался по черепице крыши. Несколько капель ветром занесло на веранду. Смахнув их с лица, Гленн продолжил работать.

Если бы слепой мог взглядеться в небо, он бы увидел набухшие от дождевых капель облака. Он бы ужаснулся, как и многие другие тысячи глаз, устремленных в зияющую бездну над головой. С юга стремительно надвигалась буря.

Дверь на веранду резко захлопнулась. Водосточная труба гудела, содрогаясь под напором дождя. Раздался раскат грома. От неожиданности Гленн выронил статуэтку. Выскользнув из рук, она покатилась по дощатому полу. В воздухе резко запахло озоном. Раздался оглушительный грохот. Обхватив себя руками, Гленн застонал. На лбу выступила испари-

на. Казалось, что мир вот-вот развалится на части из-за хлынувшего ливня. Оставив безуспешные попытки отыскать потерянную фигурку, он продолжал лежать ничком на холодном полу, ожидая следующего удара.

Страх проникал все глубже, в самые потаенные уголки души. Он подкрадывался все ближе, вторя нарастающим раскатам грома. Гленн ощущал дыхание смерти на своем затылке. Он хотел повернуться, раскрыть глаза, чтобы встретиться лицом к лицу с неизвестностью, таящейся в темноте. Но вместо этого он лишь вытянул ладони перед собой, сложив их в иступленной молитве. Затряслись оконные ставни.

Казалось, что дрожит сама земля, и эта дрожь прокатилась по всему дому. Гленн улавливал ее каждой клеточкой своего тела, пряча голову между коленями.

После очередного раската грома Гленн сильнее зажмурил глаза. Ему стало страшно от мысли, что он может прозреть в тот самый миг, когда окажется на пороге смерти.

Внезапно все стихло. Где-то в доме протяжно завыл пес. Гленн поднялся с пола. Сел в кресло. Выдохнув, разжал побелевшие пальцы. Отыскал брусок. Покрутил в руках холодный нож. Ладони слегка покалывало от прикосновения к металлической поверхности. Запрокинув назад голову, Гленн открыл глаза и устремил невидящий взгляд сквозь потолок, в синеву прозрачного, как озеро, неба.

Образ медленно проникал в его мозг через сомкнутые веки.

Он был соткан из мыслей, страхов, тревог, буйства распаленного разума. Возникавшая картина рвалась за пределы сознания и впивалась острыми краями в раскрытую ладонь.

События минувшей ночи проступили на деревянном бруске. Страх стал по-настоящему осязаем. Пальцы свело от напряжения.

Новая фигурка оказалась ни на что не похожей. Это был не зверек, не человек, и даже не птица, а нечто совершенно иное.

Уставшими руками Гленн ощупал получившуюся статуэтку. Вырезая ее по частям, он не мог сложить мозаику из отдельных фрагментов. И только сейчас, подавив приступ тошноты, он собрался с духом. Гленн представил, как бросает фигурку в огонь, и языки пламени охватывают темный дуб.

Раздался стук упавшего на пол ножа.

Онемевшими пальцами он осторожно провел по дереву, считывая с поверхности созданный образ. Гленн был поражен. Вместо пробиравшего до дрожи уродства перед ним предстала гармония, принявшая идеальную форму. Грубые линии превратились в плавные очертания, а острые выступы сменились мягким рельефом. Но как ни старался Гленн, он не мог до конца ощутить фигуру, в полной мере постичь ее красоту.

Ужас прожитой ночи вырвался из цепких пальцев. Поблекнув, он слился с яркими тонами наступающего рассвета.

Гленн отворил дверь на веранду. Постоял, вдыхая свежий

после дождя воздух, и снова раскрыл глаза. Сквозь белую пелену пробился слабый солнечный луч. Утро еще никогда не было таким спокойным.

Солнечный зайчик

Ягнятина была такой нежной, что буквально таяла во рту. С языка кусочек перекатывался на нёбо, а потом возвращался обратно. Запив мясо прохладным соком из свежих апельсинов, мужчина причмокнул и улыбнулся, демонстрируя целый ряд ослепительных зубов.

Отставив стакан в сторону, Эдвард Лейнхард, или просто Эдвард, или, как его называли друзья и коллеги, Эдди, разделался с последним кусочком, остававшимся на фарфоровой тарелке. Приборы легонько звякнули. Сняв фартук, Эдвард-Эдди покончил с трапезой.

Утренний воздух бодрил. Дорога на работу лежала через благоухающий цветочный парк. Где-то пел дрозд. Эдди остановился. Прислушался. Постоял несколько минут в глубокой задумчивости и двинулся дальше.

Во рту ощущался хвойный привкус еловых веток. Стоило открыть рот, как язык начинало слегка пощипывать, как это бывало в детстве, когда глотаешь кислую шипучку и морщишься от резкого вкуса. Теперь таких шипучек не найти – они давно исчезли с магазинных полок.

Эдди сплюнул прямо в солнечный луч, скользнувший по его блестящим остроносым туфлям. Они походили на нож, которым режут лимонное суфле. Зашуршал гравий под ногами.

Эдди свернул направо. Отсчитав сто тридцать шагов и дойдя до огромного дуба, он повернул налево, прошел еще девяносто три шага, оставил позади цветущий парк и вышел на остановку.

Автобусы, словно громадные киты, плыли по выделенным полосам асфальтового океана. Через какой-то час пассажир из одного района города был уже в другом. А это не так уж и много, тем более для того, у кого к подошве прилип гравий, а во рту осталась свежесть хвои.

Сотрудники стеклянного офиса приходили на работу к девяти. Они лениво подходили к своим компьютерам, зевком приветствуя коллег.

Цифры, появляющиеся и гаснущие на тонком экране, складывались в формулы. Курсор метался из стороны в сторону. Звонко щелкали кнопки клавиатуры.

Отхлебнув кофе, Эдди зажмурился.

Он улавливал каждый шорох, скользивший по коридорам здания, и ловил его своим воображаемым сачком. Как только где-нибудь в углу раздавалось трепыхание крыльев, Эдди уже был тут как тут. Это мог быть небрежно брошенный карандаш, остановившийся у края стола. Или случайный скрип дверцы шкафа. Ничто не могло ускользнуть от чуткого слуха Эдварда Лейнхарда.

– Эдди! Ты здесь? – послышалось внезапно совсем рядом. Чья-то рука опустилась на плечо. Две фигуры заслонили свет

плафона на потолке. На Эдди строго глядел начальник.

– Лорейн, – представил он девушку.

– Можно просто Ларри, – сказала незнакомка.

Воцарилось молчание. Было слышно лишь шипение чайника на электрической плите, гул старенького вентилятора, отдаленные голоса в переговорной и методичный «тик-так» на стене.

Маленький мирок офисных столов и перегородок просыпался вместе со своими обитателями. Сотрудники, снующие по коридорам с листами белой бумаги для подкормки принтера, и их руководители, распределяющие задания на день, рождали звуки симфонии офисной жизни.

После экскурсии по офису Эдди и Ларри отправились обедать в ресторан.

Лорейн своими миниатюрными ручками аккуратно управлялась со столовыми приборами. Отточенным движением она отделяла белок от желтка, поддевала вилкой кусочек яичницы и отправляла его вместе с хрустящим тостом в розовую глубину рта. Ее губы растянулись в довольной сытой улыбке.

Эдди внезапно почувствовал жуткий голод.

Утреннее солнце светило прямо в глаза. Эдди нехотя поднялся с дивана, умылся и отправился на работу.

Офисные лампочки мерцали в такт его шагам.

Заметив у своего стола незнакомую девушку, Эдди про-

шел было мимо, но вовремя остановился, узнав в незнакомке вчерашнюю коллегу. Подойдя к столу, он неуклюже отодвинул кресло и что-то буркнул в знак приветствия. Его «здравствуйте» больше напоминало кашель. Девушка встрепенулась и, расплывшись в знакомой улыбке, пожелала ему доброго утра. В горле пересохло.

Они принялись за обучение.

Она увлеченно следила за каждым его действием: работой с программами, выполнением запросов и математическими расчетами. Эдди смущался, открывал не ту программу, путался в комбинациях клавиш и последовательности действий, а к концу и вовсе попытался совладать с непослушной компьютерной мышкой, которая выскальзывала из-под его потной ладони.

Настало время обеда. Дюжина людей в белых накрахмаленных рубашках направилась на перерыв. Заскрипели стулья. Зашуршали документы. Забряцали запонки. Гул голосов дружно устремился к выходу.

Ее вилка вновь отправилась в раскрытый рот, в котором исчезли яйца пашот с картофельными гренками, утопавшими в оливковом масле. Тарелка Эдди опустела почти сразу, и, выйдя из-за стола, он не смог припомнить содержимое блюд. Во рту лишь слабо чувствовался привкус пряностей, и чуть обильнее шло слюноотделение – так стенки неба реагируют на специи.

Отворив перед Лорейн дверь, он не удержался и нахло-

нился, чтобы уловить ее запах – незаметно не только для нее, но и для самого себя. Так бывает, когда мы делаем вещи, на первый взгляд произвольные, но на самом деле для собственного удовольствия. Эдди вдохнул цветочный аромат. Его глаза закатились от наслаждения, а взгляд уперся в стеклянный потолок.

Он и сам не заметил, как преобразились рабочие будни. Эдди стремился растянуть драгоценные мгновения, зафиксировать каждый ее слог, движение и кивок головы. Он смаковал небрежно оброненное слово и доставал его из памяти перед сном. От этого сны стали очень яркими.

Но больше всего он дорожил вечерами, когда они поздно покидали офис, задержавшись за работой над совместным проектом. Тогда Эдди провожал Лорейн до дома и ждал, пока хрупкий девичий силуэт не исчезал в проеме стальной двери. Перед самым прощанием, до того, как замок защелкивался, Эдди сохранял в памяти упоительную прохладу прошедшего вечера. Он кадр за кадром прокручивал в голове их прогулки, вплоть до мельчайших деталей: выход из офиса, вечерний парк, арка возле дома и неспешная прогулка под фонарем. Казалось, он помнил все. Туман, осевший на языке. Влагу, впитавшуюся в ткань ситцевого платья. В его ушах эхом отдавались их разговоры – как будто ни о чем, и в то же время обо всем сразу.

Свет уличных фонарей больше не касался серых стен –

они срабатывали только во время движения. Эдди напоследок окидывал фотографическим взглядом панораму улицы и возвращался домой.

Так наступила осень. Начались дожди. Раскрыв зонт, Эдди провожал Лорейн поздним вечером, вслушиваясь в ритм дождя и упиваясь ароматом ее духов и теплого дыхания. Под одним зонтом их плечи то и дело соприкасались, отчего ладонь Эдди потела, и ему постоянно приходилось поправлять зонт.

Проводив Лорейн до дома, Эдди попрощался и посмотрел ей вслед, пока за ней не закрылась дверь.

Не снимая с лица улыбку, как не снимают плащ в ветреную погоду, он развернулся и отправился домой. Миновав арку, Эдди остановился, желая как можно четче запечатлеть в памяти последний кадр. Он обернулся, надеясь увидеть ее у входной двери, но вдруг застыл в оцепенении. Увиденное ошеломило его. Некоторые моменты невозможно стереть из памяти, даже если закрыть глаза. Эдди крепко зажмурился.

Звук его тяжелых шагов эхом отдавался по улице и разносился по окрестностям. Внезапно его сменило шлепанье размокших стоптанных ботинок – это Эдди ступил в лужу. Он снял намокший дырявый носок и, прихрамывая, пошел дальше.

С каждым шагом он все больше убеждался, что не узнает знакомую дорогу. Завернув за угол, он не глядя направлял-

ся к следующему перекрестку. Устав петлять по улицам, он останавливался на мокром газоне, чтобы перевести дух. В конце концов он набрел на свой собственный дом.

Протяжно скрипнула дверь. Под ногами заиграла половица. Туго щелкнула задвижка замка. Эдди отправился в постель, чтобы забыться долгим сном. Через какое-то время в горле запершило, он поднялся и прошел по холодному полу на кухню. На кухне было полно грязной посуды. Выудив невымытый стакан из сальной раковины с остатками фарша, он небрежно сполоснул ее, набрал воды из крана и утолил жажду. Стакан отправился на дно раковины, заваленной тарелками и чашками.

На следующее утро Эдди проспал. Он не услышал знакомого звона будильника и встал с кровати с жуткой головной болью. Воспоминания нахлынули одно за другим.

Эдди направился на кухню и попытался зачихнуть в себя кашу, подавляя накативший приступ тошноты. Съев несколько ложек, он отодвинул тарелку в сторону. Его стошнило.

Прополоскав рот, Эдди подставил голову под холодную струю воды, чтобы освежиться, потом посмотрел в зеркало и в ужасе отшатнулся. Он совершенно не узнавал себя. Казалось, что перед ним стоит чужой человек: лицо избороздили морщины, под прищуренными от яркого света глазами виднелись набухшие и потемневшие мешки, из ноздрей торчали

волосы, под губой топорщилась щетина. Но самым ужасным был покосившийся, словно деревенский забор, ряд желтых зубов. Рассматривая себя и поворачивая голову то в одну, то в другую сторону, Эдди силился сопоставить увиденное отражение с тем, что он ожидал увидеть, и все равно не мог понять, кто стоит перед ним.

В тот день он остался дома. Он не пошел на работу ни на следующий день, ни в последующие. Сидя дома, Эдди подумал, что небольшая прогулка поможет ему собраться с мыслями, но вместо просветления в голове он ощутил тяжесть в ногах и ломоту в костях.

С каждым днем Эдди отходил от дома все дальше, в смутной бессознательной надежде различить в толпе образ Лорейн. Но не найдя ее, возвращался обратно. Однажды он уткнулся лицом в подушку, с головой закопался под плисовое одеяло и перестал вставать с кровати.

Пролежав несколько недель, он резко поднялся, и, пошатываясь, вышел на улицу. Его встретили бетонные стены магазинов.

В лужах плескались голуби. Раньше Эдди часто наблюдал за тем, как они ступают по земле, а потом взмывают в небо. Он любил следить за их траекторией и выбирать того, кто быстрее всех достигнет высшей точки.

Голуби вспорхнули в сизое небо. Эдди направился к дому.

За окном медленно поднималось солнце. Его желтые лучи

пробивались сквозь пыльные оконные стекла в тускло освещенную комнату.

Открыв глаза после долгого сна, Эдди зевнул и перевернулся на бок. Подложив под голову руку, он упер взгляд в потолок. Ободранные обои лохмотьями свисали с потрескавшихся стен. От них исходил запах сырости старого дома. Окна его квартиры выходили на восток и на стенах часто появлялись солнечные зайчики. Они проворно отскакивали от оконного стекла, резвились в комнате и перемещались по поверхности стен вслед за солнцем, обходящим дом.

Перед глазами Эдди разгорались и гасли желтые отблески. Будто множество зайчиков, они порхали по стенам, как по зеленому лугу, где свежая трава щекотала их мохнатые пузики. Перепрыгивая из одного угла в другой, будто с луга на луг, они казались симметричными. Эдди заметил это и стал соединять прыжки воображаемой линией. Затем линии превратились в фигуры. Фигуры трансформировались в узор. И так до самого захода солнца.

Прошло немало времени, прежде чем Эдди приноровился отслеживать все движения солнечных зайчиков, какими бы сложными они ни были. Отныне он видел не только прямые линии их перемещений, но и круги, и квадраты, и причудливые разносторонние треугольники, которые в движении создавали калейдоскоп из множества фигур. Тогда он в упоении закрывал глаза и с широкой улыбкой на лице погружался в фантастический сон, где он сам был зайчиком, скачущим

по цветущему зеленому полю.

Попутчик

В детстве Билли часто путешествовал. Хотя язык вряд ли повернулся бы назвать это путешествием. Отец служил в армии и семье приходилось часто переезжать. Билли постоянно менял школы и друзей, теряя всех тех, с кем успел сблизиться за год. Из-за этого он научился избегать тесных знакомств со сверстниками. Бывало так, что, едва успев обжиться и привязаться к окружающим, семья получала телеграмму, обычно в ярко-красном конверте с синей маркой, о назначении на новый объект, и через неделю стук колес поезда возвещал о том, что жизнь вновь начинается с чистого листа. В конце концов Билли перестал марать лист, ведь все равно приходилось брать новый.

Поезд ожидал их на вокзале. Родители Билли, как обычно, направились в вагон-ресторан.

Багажа у каждого было меньше, чем у всех тех, кто никогда надолго не задерживается на одном месте. В нем было лишь самое необходимое – четыре смены белья, куртка, трое брюк и пара кроссовок. Но были и отличия: Билли брал с собой несколько книг, мама – косметику, а отец – рыболовные снасти. Мало кто видел его на рыбалке, но ему доставляло удовольствие демонстрировать богатый набор блесен перед случайными соседями.

В купе Билли выбрал нижнее место. Напротив расположился незнакомый мужчина, который пристально всматривался в пыльное окно. Его сосредоточенный взгляд, не замечавший грязного стекла и покосившейся рамы, привлек Билли. Казалось бы, за окном не было ничего интересного: деревья, поблекшие луга, да редкие электрические столбы, но он продолжал смотреть так, словно там виднелось нечто восхитительное.

По тому, как сосед уверенно держался с проводницей, принесшей ароматный кофе, и по аккуратно расставленным на столе вещам, можно было сделать вывод, что он не первый день в дороге. А еще казалось, что незнакомец помнит расположение каждого предмета. Если из-за тряски поезда бутылка с водой сдвигалась на пару миллиметров, он тут же ее поправлял. Как только карандаш на столе скатывался на другую сторону, он тотчас возвращал его на место и следил, чтобы ситуация не повторилась. А она неизменно повторялась.

Запустив руку в рюкзак, незнакомец, не глядя, вынул старинный томик. Отхлебнув кофе из жестяной кружки, над которой поднимался пар, он открыл книгу и заскользил взглядом по желтой бумаге. В стук колес мчащегося по рельсам поезда вплетался шорох страниц. Пытаясь понять, что такого в оконном пейзаже, мальчик следил за проплывающими мимо деревьями, лугами и покосившимися избушками. Вид был откровенно скучным.

Через какое-то время Билли погрузился в особое состояние расслабленности, того умиротворения, что мягким грузом давит на веки.

Шорох страниц раздавался совсем рядом. Приглушенные голоса расплывались, прерываемые стуком колес.

Билли разбудил резкий скрежет. Поднявшись, он открыл окно, и выглянул наружу.

– Должно быть, неисправность с рельсами, – бросил незнакомец.

Голос соседа прозвучал неожиданно. Он перевернул страницу и сказал:

– Такое бывает.

На этих словах дверь в купе открылась, и на пороге появились родители Билли. На их щеках играл легкий румянец.

Незнакомец поднялся со своего места и тихонько выскользнул из купе, оставив дверь приоткрытой, словно приглашая проследовать за ним.

Недолго думая, Билли принял приглашение.

Коридор был пуст. Свет мигающей лампочки едва освещал вагон. Мужчина, пройдя несколько шагов, скрылся в полумраке.

В тамбуре было накурено. Билли закашлялся и отошел в сторону.

– Извини, – произнес тот, взял сигарету в другую руку и потянулся к маленькой форточке. Затем вернул сигарету на

место и неспешно затянулся. Выпустив дым в открытое окно, сосед выудил из кармана миниатюрную пепельницу. Потушив окурок, он продолжил:

– Помогает привести мысли в порядок.

Они измеряли друг друга тем оценивающим взглядом, которым встречают новых людей.

– Как зовут?

– Билли.

– Френсис, будем знакомы.

Френсис протянул руку. Его ладонь была сухой и грубой.

Поезд остановился и двери открылись. Перрон ярко освещала полная луна. Из вагона вышло несколько человек с чемоданами. Билли и Френсис проводили их взглядом, пока те не скрылись в темноте.

Сосед опять закурил:

– Иногда я внезапно просыпаюсь среди ночи. Беру несколько сигарет и отправляюсь подышать свежим воздухом на ближайшей остановке, – он сделал несколько глубоких затяжек, отчего огонек сигареты разгорелся сильнее. – Я как будто провожаю пассажиров, а сам продолжаю путь вместе с ними.

Поднявшись на следующий день раньше обычного, Билли увидел, что Френсис читает книгу.

– Доброе утро! – сказал Френсис, не поднимая глаз. – Как спалось?

– Спать в поезде я уже привык, – ответил Билли, подавляя зевоту.

Френсис отложил книгу. Открыл бутылку газированной воды, налил ее в прозрачный стакан и залпом выпил. После этого он обулся, взял туалетные принадлежности и отправился умываться. Билли последовал за ним.

В уборную образовалась очередь. Проснувшиеся пассажиры с взъерошенными волосами и заспанными глазами занимали места друг за другом. По узкому коридору разносился приглушенный шепот.

Из некоторых купе раздавалось шипение радио. По нему крутили новостные передачи и музыкальные записи. В каждом купе была небольшая прямоугольная коробочка с тумблером, при повороте которого из динамика начинали доноситься голоса вперемешку с шумом, пока не удавалось поймать волну и упорядочить то, что называлось музыкой.

Впереди с таким видом, какой бывает у человека, которого резко подняли из теплой постели, стояла сонная девочка. Держа за руку бабушку, она терла красные глаза, а ее растрепанные косички болтались из стороны в сторону. Приподнимаясь на цыпочки, девочка интересовалась, где они сейчас находятся, сколько уже успели проехать и сколько еще предстоит ехать. Не все ее вопросы удостоивались ответа, и по уставшему, но заботливому лицу бабушки становилось понятно, что им нет конца. Задав один, девочка тотчас выстреливала следующим, и залп стихал лишь тогда, когда все сло-

ва-снаряды были израсходованы.

Сразу за ними со скучающим видом расположилась молодая пара. Они прыскали со смеху, держась за руки.

Рядом с ними стояла белокурая женщина и пристально смотрела в окно. Ее блуждающий взгляд пытался за что-то ухватиться. Так смотрит на мир священник, перебирающий четки. Еще один мужчина бездумно глядел вниз, как будто домашние тапочки, из которых торчали непомерно большие пальцы, могли ему что-то сказать.

Дверь уборной отворилась. Вся очередь сделала шаг вперед.

За окном поезда холодало. Деревья покрылись инеем. На речках и водоемах образовался тонкий слой льда. Поезд ехал мимо городов, испещренных сотнями дорог и рельсовых путей, по которым, как кровь по артериям, двигались люди. Во многих из этих городов пассажиры поезда никогда не смогут побывать, и лишь мимолетный взгляд, случайный свидетель чужой жизни, позволит в них хотя бы заглянуть.

Черета кадров тянулась бесконечной лентой, и, хотя она могла быть прервана по воле зрителя, лента оставалась в глазах смотрящих. Когда взгляд угасал в одном окне, он тотчас вспыхивал в другом, а потому мир продолжал движение.

Билли отложил острый карандаш. Он затачивал его перед каждым использованием с помощью механической точилки. Карандаш из-за этого служил недолго, но качественно. По-

этому Билли всегда возил с собой не меньше десяти карандашей.

Раньше отец, приходя домой, часто приносил такой набор карандашей. Билли всегда нравился их древесно-грифельный запах. Пока он крутил в руках вожделенный подарок, отец брал по одному карандашу и ловко затачивал его, а стружку сбрасывал в ведро.

Теперь Билли сам точил карандаши. Он повзрослел.

Билли нарисовал короткую линию. Еще несколько толстых линий он провел совсем рядом. Соприкасаясь друг с другом, они образовали небольшую фигуру, выделяющуюся на белом фоне. Билли заштриховал получившийся рисунок.

– Какой-то новый стиль? – поинтересовался Френсис, стоя за его спиной.

– Не знаю. Всегда так рисовал, – Билли отложил карандаш и повернулся. Густо покраснев, он отвел взгляд в сторону.

– Вышло необычно.

– Но не так, как я задумывал, – ответил Билли, нажав на карандаш. Грифель сломался.

Френсис рассмеялся, и Билли почувствовал, что стало легче дышать. Френсис взял рисунок в руки. Он то подносил его ближе, то отдалял, всматриваясь в изображение, как в блики солнца на воде. Сначала в глаза бросались резкие, кривые линии, но чем дальше оказывался рисунок, тем приятнее становились образы. Рассредоточив взгляд по всей поверхности картины ему наконец удалось увидеть, как множе-

ство мелких частей, не идеальных по исполнению и задумке, складывались в нечто большее. Только расслабившись и не пытаясь разглядеть детали удавалось охватить картину целиком.

В вагонах не смолкал гул. Люди разыгрывали шахматные партии и перебрасывались в карты. Порой можно было распознать звуки укулеле – миниатюрной гитары. Сновали в вагон-ресторан любители выпить обжигающего пунша и закусить его бутербродами со свежей форелью. Тамбур переполняли табачный дым и беседы. Проводники улыбались обросшим щетиной пассажирам.

Маршрут пролегал через три часовых пояса и четыре климатические зоны. Поэтому, когда Билли оторвался от рисунка, то увидел в окне не зеленые луга, а белый снег.

Снаружи стало невыносимо светло. На миг ослепнув, Билли протер глаза и снова посмотрел в окно. Ошибки быть не могло. Они действительно проезжали меж заснеженных гор. На электрических столбах блестели капли льда. Открыв окно, Билли впустил в купе промозглый ветер.

Поезд плавно замедлил ход перед провинциальным городом. Здесь была самая длинная остановка на маршруте.

– Холод рождает красоту, – сказал Френсис.

Они сидели на скамейке в общественном парке, вдыхая свежесть инея.

– Мне трудно наслаждаться красотой, когда мне холод-

но, – ответил Билли.

Френсис поднялся со скамейки и направился вглубь парка.

– Взгляни, – пригласил он.

Вокруг них смыкалась арка из деревьев. Снег на ветвях осыпался от легкого ветра и слабого прикосновения.

– Видишь?

Билли не видел. Он не понимал, что должен увидеть. Не знал, куда нужно смотреть. Он стоял и пытался уловить то, что ему показывали. Чем дольше Билли смотрел, тем больше сомневался, что там вообще что-то было.

– Что ты видишь? – спросил Френсис.

– Дерево.

– А еще?

– Подтаявший снег на ветке.

– Хорошо, а еще? Если смотреть не на ветку, а на то, что на ней?

Билли растерялся. Сколько он не всматривался, так и не смог понять, что же он должен увидеть. Перед ним стояло самое обычное дерево. Времени оставалось все меньше, и скоро нужно было возвращаться обратно. Разглядывая дерево с разных сторон, вставая на место Френсиса, мальчик силился понять, как он видит то, чего не видит Билли? Время шло, глаза слезились от напряжения. Приходилось всматриваться в каждую деталь, надеясь, что именно в ней и таится искомое.

Билли хотелось все бросить и уйти, но он оставался на месте. Он отошел на несколько шагов от дерева. Простояв достаточно долго и уже собираясь уходить, он заметил едва уловимый блеск. Билли наклонил голову набок. Ветвь была параллельна земле, и талая изморось превратилась в маленькую капельку, которая переливалась в лучах солнца. У Билли перехватило дыхание.

Проводница в поезде просыпалась рано. С первыми лучами солнца она уже заступала на дежурство, сменяя сонную коллегу.

Заваривая чай с бергамотом, проводница причмокивала, явственно ощущая на губах его терпкий вкус. Выжав лимон в чашку, она отделяла мякоть от кожуры и отправляла ее в рот. Тщательно пережевывая лимон, проводница закатывала глаза от удовольствия. Допив чай, она отправлялась на утренний обход.

Проводница шла по коридору мимо купе, внимательно вслушиваясь в тишину и вычленяя подозрительные звуки, нарушавшие царивший покой. Затем она обходила вагоны, отмеченные в небольшом списке, и тихим, но настойчивым стуком в дверь будила пассажиров.

Поезд остановился. Проводница опустила складную лестницу и помогла выйти тем, кто в силу возраста или здоровья не мог сделать это без заботливой поддержки в виде старой грубой руки.

Проводив покидающих поезд пассажиров, она приветствовала новых гостей.

Для одних она заваривала свежий кофе, для других – зеленый чай. Молодая пара из соседнего купе сделала заказ в вагоне-ресторане, и вот уже проводница неслась с листочком, на котором мелким почерком были записаны названия блюд. Она трепетно передавала его повару и возвращалась в купе. Вкусная горячая еда вызывала улыбку на голодных лицах пассажиров.

В вагоне-ресторане она взяла две чашечки кофе и сэндвичи с лососем. Поставив все на поднос, она поблагодарила повара и поспешила в вагон.

Миновав тамбур, проводница подошла к двери, за которой слышались оживленные голоса и стук по столу.

Конь на Е2.

– Вы всегда берете с собой шахматы?

Ферзь на Г3.

– Только когда путешествую на поезде.

Пешка на А3.

– А часто вы путешествуете на поезде?

Слон на Д3.

– Достаточно.

– Явно не чаще, чем я. Приходится часто переезжать из-за работы отца.

– Тебе это не нравится?

– Кому понравится каждый раз начинать учебный год в

новой школе?

Пешка на Б2. За окном пронесся встречный поезд.

– Шахматы – интересная игра. Со стороны выглядит довольно простой: переставляешь фигуры, пока не поставишь мат. Но это на первый взгляд.

– Расскажите, – попросил Билли. Проглотив сэндвич, он сделал несколько глотков кофе.

– Лучше покажу, – Френсис взял фигуру, которую переставил Билли, и повторил его действие. – Почему ты так походил?

– Потому что вы поставили слона на правый фланг.

– Правильно, но для чего ты походил именно так?

– Чтобы обезопасить пешку.

– И вновь мимо. Ты сказал, что ты сделал, а не почему.

Шахматы – это зеркало мыслей. У меня был друг, заядлый игрок. Его партии были дерзкими, а ходы стремительными. Он никогда не жалел фигур и готов был пожертвовать ими без раздумий. Конечно, порой это играло с ним злую шутку, но чаще случалось обратное – он так молниеносно ломал оборону противника, что приходилось отступать под его натиском. Таким мой друг был и в жизни – с юных лет первым бросался в драку.

– И что вам говорят мои ходы? – спросил Билли.

– Ты играешь от обороны, – начал Френсис. – Даже тогда, когда появляется возможность разыграть комбинацию, ты делаешь это только после полной уверенности в том, что

тебе ничего не угрожает, и зачастую проигрываешь в темпе.

– Хотите сказать, что мне не хватает решимости?

– Я лишь обратил внимание на твои ходы, – ответил Френсис.

– Мой отец всегда говорит, что я нерешительный.

– А что ты думаешь по этому поводу?

– Я знаю, что не смогу быть таким, как он. Это тяжело, –

Билли отвел взгляд в сторону.

– Что именно?

– Знать, чего ты хочешь от жизни.

– У тебя тоже кое-что есть. Твои рисунки.

– Отец о них не знает. Он не поймет, даже если увидит.

За окном завывал сильный ветер. По деревянной доске стучали шахматные фигуры. Во рту осталось горькое послевкусие.

Машиниста сильно клонило в сон, несмотря на третью чашку кофе.

Он откусил от плитки шоколада. Во рту стало вязко.

Глаза начинали слипаться. Он прилагал все больше усилий, чтобы не уснуть. Провалившись в сон, машинист резко просыпался и мутными глазами смотрел вдаль.

Поезд ехал мимо пляжа с песочным замком. Над лазурными водами залива скользили чайки. Продавец кукурузы аккуратно ступал между рядами сооружений из песка и гальки, искусственных каналов, миниатюрных рек и песчаных

фигур. Детские голоса звенели над шезлонгами отдыхающих под июльским солнцем.

Резкий скрежет заставил машиниста проснуться. На приборной панели замигали красным несколько лампочек. Машинист вскочил, пролил кофе на брюки и застонал от боли.

Поезд трянуло. Ладыя, поставившая мат, соскочила с доски и укатилась под сиденье. Френсис и Билли переглянулись. Задребезжало окно. Пустые чашки полетели на пол.

Наступила тишина – сотни ушей прислушивались к происходящему.

Пассажиры в спешке покинули поезд и ошеломленно смотрели на переднюю часть состава, сошедшую с рельс.

Возмущение пассажиров нарастало. Накопившись до критической массы, оно хлынуло через край, обрушившись на весь обслуживающий персонал поезда – и не важно, причастен сотрудник к происшествию, или нет: пока на его форме был фирменный логотип компании, он был виновен.

После всех заверений в том, что причиненный ущерб будет возмещен, а виновные наказаны, рассерженные пассажиры разошлись по вагонам, где продолжили бурно обсуждать произошедшее.

– Отец хочет, чтобы я стал военным, как он.

Они прогуливались по перрону, дожидаясь отправления поезда.

– А чего хочешь ты? – спросил Френсис.

– Все, что угодно, только не это. Это ведь ужасно – постоянно жить в разъездах, не имея возможности завести друзей. Проводить в дороге по несколько месяцев в году и покидать поезд, думая лишь о том, что через недолгое время тебе вновь придется вернуться в него.

– Ты обсуждал это с родителями?

– Они не поймут. Отец уж точно. А мама не станет ему перечить. Для нее самое главное – чтобы мы были вместе. Но мне от этого не легче. Иногда мне хочется сойти с поезда на какой-нибудь остановке и затеряться в городе. Начать новую жизнь и никогда не возвращаться обратно.

Билли опустил голову. Его щеки пылали.

Глубокой ночью поезд двинулся дальше. Машинист нагнал потерянное время, стремительно несясь вперед. Ресторан снова открылся, а потому в купе остались лишь Френсис и Билли. Ночник над кроватью освещал лист бумаги, на котором рисовал Билли под шорох страниц книги Френсиса.

Мерный стук колес по рельсам напоминал звук волн, лениво бьющихся о скалы.

Френсис разбудил Билли, легонько похлопав по плечу. За окном брезжил рассвет.

– Который час?

– Шесть утра.

– Еще очень рано.

– Сейчас лучшее время.

Они на цыпочках прокрались в тамбур.

Спустившись с перрона, Френсис и Билли направились к возвышенности.

– А мы успеем обратно? – спросил Билли.

– Конечно. А теперь смотри, – ответил Френсис и указал рукой на багряное солнце над городом. Алые лучи отражались в гладкой поверхности раскинувшегося озера. По водной глади прошла волнистая рябь, как будто в поле вспыхнул пожар. В глазах восхищенного Билли заплясали языки пламени.

Они опустили на землю, поджав под себя ноги. Солнце заливало светом не только озеро, но и холм, согревая кроны деревьев.

В воздухе пахло весной – свежестью молодой зелени и ароматом распустившихся цветов.

Яйцо аккуратно растеклось по раскаленной сковороде. Смазанная кусочком масла, она источала аппетитный аромат. Сделав огонь сильнее, повар добавил щепотку соли и накрыл сковороду прозрачной крышкой. В этом деле главное – время. Если выдержать идеальное соотношение между румяной корочкой, едва покрывающей яйцо, и полной готовностью, когда все уже пропеклось и яичный белок потемнел, можно добиться изумительной сочности.

В воздухе витал аромат перца, соли и прованских трав.

Повар погасил огонь и переложил яичницу на белые та-

релки.

Официант направился к столику.

– Я поговорю с отцом, как только мы приедем в город, – начал Билли. – Скажу ему, что не хочу становиться таким, как он.

– А чего ты хочешь?

– Рисовать.

Аромат яичницы защекотал ноздри Билли и возбудил в нем зверский аппетит. Заиграл оркестр из столовых приборов. По тарелке растекся желток.

– Знаешь, что отличает хорошего художника от любителя? – спросил Френсис, отправляя кусок яичницы в рот и запивая его большим глотком горячего кофе.

– Мастерство?

– Хорошего художника отличает восприятие. Школа художественного мастерства позволит достичь необходимого уровня, чтобы считаться профессионалом, но художником, в полном смысле этого слова, ты все еще не станешь. Поэтому важно не то, как ты рисуешь, а что рисуешь. Мысль, переданная мазком кисти, и есть наследие, оставленное будущим поколениям. Это возможно благодаря уникальному восприятию. А у тебя оно, несомненно, есть.

В вагон-ресторан вошли родители Билли. Отец грузно шагнул за идущей легкой походкой матерью.

– А мы все думаем, где ты? – сказала мама, увидев сына.

Родители с шумом задвинули кресла. Отец поднял руку, подзывая официанта. Дождавшись меню, он молча ткнул пальцем на жаркое, телятину под соусом, отбивную и гарнир из пюре с зеленью. Мама молча согласилась.

– Вы сегодня рано проснулись, – сказал Билли.

– Из-за вчерашней аварии нам пришлось пропустить ужин, – мама рассмеялась и посмотрела на мужа в поисках одобрения. Он же глядел на свои наручные часы. У него было стойкое ощущение, что заказ задерживается.

– Билли, я заметил у тебя какие-то картинки, – сухо произнес отец. Он не задавал вопросов, но его утверждения никогда не оставались без ответа. Его взгляд был прикован к стрелке циферблата.

– Эти картинки... Это...

– Пустая трата времени, – закончил отец.

Принесли заказ. Отец разочарованно вздохнул – то ли из-за ответа сына, то ли из-за того, что завтрак принесли вовремя. Как бы то ни было, он принялся за еду с неутомым аппетитом, который бывает у тех, кто обгладывает кости и не оставляет на столе ни крошки. Билли допил кофе и отставил в сторону чашку. Его взгляд уперся в край стола.

– Мне нравятся рисунки вашего сына, – начал Френсис, когда отец приступил к отбивной. – В них есть характер.

– Только в них и есть, – сказал отец, отставляя тарелку в сторону. Мама виновато посмотрела на всех, но не решилась

ничего добавить.

Унесли пустые тарелки.

Первым поднялся Френсис. Оплатив счет, он раскланялся и покинул вагон-ресторан.

– Ты все сделал правильно, – начал Френсис, как только они остались наедине.

– Я знал, что так будет, – ответил Билли.

– Тем не менее, ты все сделал правильно, – продолжил Френсис, когда они подходили к купе.

Родители вернулись через пару часов. Все рисунки были убраны.

Проводница подошла к маршрутному листу и отметила крестиком название станции. До конечной оставалось несколько часов. Атмосфера в поезде изменилась. Она это чувствовала. Всегда чувствовала.

Стал тише гул голосов, некогда заполнявших вагон. Большая часть вещей перекочевала в сумки и рюкзаки. Пассажирам не терпелось сойти на перрон и снять с паузы жизнь. При всей своей увлекательности такие поездки утомляли.

Первый шаг в поезде каждый пассажир делал гладковыбритым, пахнущим еловым лосьоном, коротко стриженным и полным сил, а последний – небритым, с отросшими волосами и уставшим взглядом. Но были и те, кто хотел продлить путешествие. Они не стремились сойти на перрон и погрузиться в жизненную рутину. Для них мир поезда еще не ис-

черпал себя.

Таким виделось завершение поездки Френсису и Билли. Дверь купе отъехала в сторону и на пороге появились отец с матерью. Пришло время прощаться.

– Это вам, – сказал Билли, когда они с Френсисом оказались одни. Он протянул Френсису блокнот с рисунками.

– Я не могу их принять, они твои.

– Я нарисую еще.

Момент прощания всегда кажется неуместным. Еще вчера он казался таким далеким, а сегодня мысль о нем обрела форму и осуществилась наяву.

Нужные слова застряли комком в горле, поэтому Френсис и Билли лишь похлопали друг друга по плечу. Френсис ушел. Билли хотел было проследить весь его путь до выхода с вокзала, но мужчина растворился в людском потоке.

Подожли родители, и вместе они направились к автобусной остановке. Билли смотрел, как его начищенные ботинки постукивают по сухому асфальту.

А затем он пошел. Шел он долго, порой замедляя, но чаще ускоряя шаг, переходя с размеренной ходьбы на бег. Сначала Билли покинул вокзал и выбрался во внешний мир, истоптав не одну пару обуви. Со временем одежда поизносилась и стала ему мала. И сам он как будто стал шире и выше. Он по-прежнему ощущал себя мальчиком, который одним апрельским вечером сошел с поезда и отправился дальше. А куда? Он и сам не знал. Билли знал лишь то, что он идет, и что

улицы сменяются перекрестками, а окружающий мир, словно кадры фото пленки, мелькает перед глазами.

Когда Билли сошел с поезда, он был переполнен желанием запечатлеть на бумаге все краски мира и активно принялся за работу. Однако, подобно свече, он загорелся, вспыхнул, но также быстро и погас, оставив после себя расплавленный воск как напоминание о том, что когда-то горел.

Мольберт доставался все реже, пока не оказался в кладовке, где был погребен под слоем пыли.

Вот уже много лет Билли, возвратившись с работы, проводил остаток дня в домашних заботах. И даже когда у него возникала идея, достойная воплощения, он бессильно откладывал ее до лучших времен, пока она полностью не стиралась из памяти.

Лишь иногда, торопясь на назначенную встречу, он внезапно останавливался, застигнутый солнечным лучом, пробивающимся сквозь листву, но тут же бежал дальше. Времени на передышку не было.

Очередь на регистрацию в тот день тянулась особенно долго. Воротничок накрахмаленной рубашки торчал из-под теплого джемпера.

Купив билет, Билли направился к поезду. Его ожидала очередная командировка.

Билли прошел по узкому коридору и остановился перед

дверью в купе. Осторожно открыв ее, он вошел внутрь и, не глядя, поздоровался с соседом.

Билли смутился. Его щеки зарделись.

Перед ним сидел старик, чьи волосы давно покрылись сединой.

Чем больше Билли всматривался в его лицо, тем сильнее ему казалось, что он уже где-то видел эти резкие скулы.

Незнакомец усмехнулся знакомой улыбкой.

– Неужели это вы? – спросил он.

– Даже самые знаменательные события могут быть простой случайностью.

Френсис рассмеялся так же, как и много лет назад – громко и искренне, запрокидывая голову назад и обнажая ровный ряд белых зубов. Старость была ему к лицу.

Они вышли в тамбур.

Билли и не заметил, как поезд тронулся.

Тот же маршрут, что и много лет назад. Те же остановки в разных городах. Несмотря на то, что поезд был новый, скоростной, а проводницы сменили униформу, атмосфера прошлых лет напомнила Билли о той поездке.

И вновь, как много лет назад, в полумраке тамбура мелькал огонек сигареты.

Они вернулись в купе. Заказали чай и уселись друг напротив друга.

– Еще рисуешь? – спросил Френсис.

Билли смущенно усмехнулся, с теплотой вспоминая дни, проведенные с карандашом в руках.

Утром Билли уловил аромат свежемолотых кофейных зерен.

– Давно вы проснулись? – спросил Билли, принимая чашку из рук Френсиса.

– Несколько часов назад. Старею, что сказать.

Многие города преобразились, и Билли почти не узнавал мест, в которых был ребенком. Однако озеро, у которого они встречали рассвет, осталось все тем же.

Билли и Френсис чаще молчали. Казалось, они понимали друг друга без слов. Прежние образы, воспоминания и ностальгия витали где-то рядом.

– А вы взяли с собой шахматы? – поинтересовался Билли.

– Разумеется, – ответил Френсис.

Френсис вытащил из рюкзака старенькую шахматную доску и расставил на ней фигуры.

Переставляя фигуры по полю и теряя их, одну за другой, в неравной борьбе, Билли вспоминал, как скользила его кисть по мольберту, и как наслаждение переполняло его при каждом мазке. Сердце защемило от воспоминаний.

– Ты проиграл, – заключил Френсис.

– Прямо как в детстве, – со смехом ответил Билли.

– В детстве было больше борьбы.

Горький напиток обжег обветрившиеся губы.

Когда Билли проснулся на следующий день, Френсис уже покинул поезд. Принесли одну чашку кофе.

В дверь постучали.

На пороге стояла проводница с небольшим свертком в руках.

– Посылка от пожилого господина, – произнесла она.

Билли поблагодарил ее и взял сверток. Закрыв за проводницей дверь, он осторожно вскрыл конверт и вытащил из него потрепанный блокнот.

Трясушимися руками он перевернул желтые страницы. Достал из сумки карандаш. Заточил маленьким перочинным ножом. За окном поезда промелькнула нужная станция, но он этого не заметил.

Уткнувшись в блокнот, Билли заканчивал рисунок.

Вознесение

В начале не было ничего – ни слова, ни образа... Даже пустоты, возникшей взамен утраченного, и той не было.

Затем наступила тьма. Она лилась отовсюду, густая, как патока, попадала в рот и уши, забивалась в ноздри. Протянув руку вперед, невозможно разглядеть пальцы, которые проваливаются в незримую гущу, и нельзя найти ни одной знакомой вещи, ни одного привычного очертания. Взгляд не может пробиться сквозь скребущий по сердцу мрак.

Спустя некоторое время девушка замечает слабые лучики света. Глаза постепенно привыкают. Она поднимается с холодного пола. Пошатываясь, пытается сделать несколько шагов, но, не справившись, падает.

Колени саднят. Она вдыхает спертый воздух и ощупывает тело, пытаясь воссоздать в памяти воспоминания о себе прежней. Безуспешно. Она пытается звать на помощь, но из раскрытого рта не вырывается ни единого звука. Она пытается убежать от незримой опасности, но дрожащие ноги не слушаются. Тогда девушка опускается на колени, обхватывает себя руками, и беззвучный плач растворяется в тишине. Солёные слезы на влажных губах леденеют, покрываясь тонким слоем инея. Тьма отплясывает свой ужасающий танец. Девушка до боли впивается ногтями в кожу. Выступившая кровь превращается в алый лёд.

Внезапно все заканчивается. Становится легче дышать. Вокруг разливается тепло, и даже мурашки, проступившие было на озябшей коже, отступают. Разомкнув руки, девушка медленно поднимается. Шум шагов тонет в отражении черной плитки.

Не представляя, как здесь оказалась, она блуждает по бесконечному пространству. Исследуя закоулки памяти, девушка вдруг понимает, что в какую бы дверь она ни заглянула, везде будет так же пусто, как и вокруг. Опустив взгляд, она натывается на блеклое отражение незнакомки. Белокурая девушка с острыми чертами лица, густыми бровями и слегка вздернутым носиком не вызывает в памяти ни единого отклика.

Слабое дыхание растекалось по волосам, ниспадавшим на пол. Прижимая к себе острые коленки, девушка пыталась уснуть. В ушах раздавался стук зубов от пронизывающего холода.

Когда она проснулась, ее по-прежнему окружала непроглядная тьма. Но что-то изменилось. Атмосфера стала иной.

Девушка заметила брезжащий вдалеке свет. Она с опаской направилась к нему, не сводя взгляд, как будто он мог пропасть или померкнуть. Или, что еще хуже, оказаться игрой воображения. Однако свет становился отчетливее. Пройдя несколько сотен метров, девушка удивленно вскрикнула. Возглас потонул в тишине.

Перед ней находилась дверь. Девушка вытянула вперед руку. Пальцы погрузились в белый свет, и его тепло разлилось до самых плеч. Переступив порог, она ахнула от неожиданности. Эхо разлетелось вокруг.

Громадные колонны, возвышающиеся до самых небес, замыкали круг, в центре которого была дверь. Девушке показалось, что недавно прошел дождь: повеяло свежестью. Потолок был так высоко, что его невозможно было разглядеть. Может быть, он и вовсе отсутствовал.

Девушка вгляделась в пол из белого мрамора с цветками розалии.

Все вокруг пришло в движение. Повсюду вспыхивали и гасли яркие огоньки. Там, где исчезал огонек, появлялась дверь. Из дверей выходили люди. Оглядываясь по сторонам, они всматривались в незнакомые лица. В поисках ответов они непременно натыкались на тот же испуг, отражавшийся в их зрачках.

Позади них замерцал еще один огонек. Вместо ярко-алого цвета, появившегося ранее, он излучал необычное синее свечение, а вспыхнув, сразу же погас. На его месте возникла широкая дверь с вычурными серыми фресками по бокам и геральдической аркой в основании.

Дверь распахнулась. На пороге стоял седовласый старик. Сделав несколько шагов вперед, он посмотрел на всех, как на стайку декоративных рыбок, помещенных в тесный аквариум. Дверь исчезла в клубях дыма.

– Должно быть, вы задаётесь вопросом: зачем я вас всех здесь собрал? – начал старик. Он перебирал слова, будто бузины. – Но боюсь, что этот вопрос в корне неправильный.

Старик изучающе всмотрелся в лица стоявших перед ним людей. Затем он вздохнул, поправил бороду и продолжил:

– Все эти трюки с огоньками, дверями и тем местом, в котором вы сейчас находитесь, – лишь для простоты восприятия.

Старик выдержал паузу. Все молчали.

– Так зачем мы здесь? – раздалось с другого конца зала.

Старик удивленно посмотрел в сторону вопрошающего, но не удостоил его ответом.

Спустя долгое время он произнес:

– Скоро вам все станет ясно.

Свет погас. Девушка провалилась в темноту.

И снова земля уходила из-под ног. С большим трудом удавалось сохранять равновесие и, унимая дрожь в трясущихся коленях, на ощупь пробираться в незнакомом мире.

Наконец девушке удалось разглядеть впереди едва заметные человеческие тени. Подойдя ближе, она увидела девочку, одиноко бредущую по улицам ночного города. Низко склонив голову, ребенок проходил перекресток за перекрестком. Иногда девочка ненадолго останавливалась, вслушиваясь в тишину улиц. Она вздрагивала, словно от легкого ветерка, но продолжала идти. Проходя мимо фонарей, де-

вочка старалась быстро проскользнуть под их тусклым светом. Оглянувшись перед очередным поворотом, она задерживала дыхание и на цыпочках пробиралась дальше.

Пробегая по темным закоулкам, она легко ориентировалась там, где заплутал бы любой другой путник. Временами девочка переводила дух, прислушиваясь к ночной тишине. Огни в окнах гасли один за другим.

Девушке, наблюдающей за малышкой, казались знакомыми ее резкие черты лица. Но не успела эта мысль как маховик раскрутиться в глубине сознания, как девочка испуганно вскрикнула. Над детским силуэтом выросла тень и, грубо схватив за плечо, развернула к себе. Девочка замолкла. Мужчина с силой толкнул ее на землю. Застонав от резкой боли, она зажала руками рот. Мужчина подошел ближе. Присел на корточки. Огромной рукой приподнял маленькое личико за подбородок и посмотрел девочке в глаза. Раздался звук пощечины. Грубая рука оставила след на детской щеке.

Девушка отвернулась. Что-то нестерпимо сдавило грудь. Все это казалось страшным сном – как будто забытые воспоминания из далекого прошлого оживали прямо на глазах.

На этот раз перед ее глазами предстал не ночной город, а обветшалый дом на безлюдной улице. Покосившиеся двери скользили по скрипучему полу. Унылые серые обои покрывали отсыревшие стены. Дом выглядел уставшим. Бедность пряталась по углам, мелькая в редких отблесках мерцающих

лампочек.

Сверху донесся звук удара. Прервавшись, он растворился в глубине дома, но только для того, чтобы раздаться вновь, сотрясая хлипкие стены.

Девушка с опаской поднялась наверх. Преодолев винтовую лестницу, она увидела несколько дверей. За одной из них кто-то тихо плакал. Девушка нерешительно шагнула к двери. Застыв на месте, она прислушалась, пытаясь понять, что происходит. Набравшись смелости, вытянула руку вперед и вошла в комнату.

В горле застрял крик. Больше всего ей хотелось развернуться, убежать и больше никогда сюда не возвращаться. Забыть тот ужас, что рвался наружу, и тот образ, который никогда не сотрется из памяти. Ее била дрожь. Подступала истерика. Страх окончательно обрел форму и замаячил перед ней. Так хищник предстает перед жертвой, загнанной в угол.

Она поняла, что должна прекратить все это. Должна остановить то, что уже произошло, но ужас предательски сковал тело, и лишь глаза продолжали выхватывать детали. Время растянулось в целую вечность. Оно застыло, как на снимке, и только звук шлепков, сметающий все на своем пути, раздавался в ушах. Почувствовав на себе посторонний взгляд, мужчина остановился. От испуга девушка вскрикнула и отступила на пару шагов назад по скрипучей половице, протяжно занывшей под ногами. Внутри все сжалось. Незнакомец медленно поднялся с кровати и вытер пот, стекавший с

лица. Он казался великаном в этой маленькой детской комнате. Его дряблое обвислое тело вызвало у девушки приступ тошноты. Тяжело дыша, мужчина ждал, когда она покинет комнату.

Но она по-прежнему стояла в дверях. Томительные секунды ожидания лишь распалили его. Он потребовал закрыть дверь с той стороны. Хрипя и бранясь, мужчина сплюнул на пол скопившуюся слюну. Пухлые губы перекосило. Он стиснул кулаки и подошел ближе.

Взгляд налитых кровью глаз с нездоровым блеском блуждал по комнате. Не раз ему приходилось ломать ее волю, растапывая в прах любые зачатки сопротивления. Не раз ему приходилось обуздывать ее нрав, сдерживать неукротимую тень, обретающую форму и голос. И каждый раз, почти уверовав в победу, он с отчаянием понимал, что этого недостаточно.

Девушка смотрела на него с отвращением.

– Повторяю, – сказал старик, привлекая ее внимание. – Место, в котором мы находимся, это как будто зал ожидания в пустом аэропорту. Самолет задерживается, и никто не знает, когда он прилетит, и прилетит ли вообще. Двери закрыты, а выход находится не за пределами аэропорта, а внутри тебя. Копнув глубже, ты сможешь его отыскать. И тогда...

– Что будет дальше? – спросила девушка, испуганно озираясь в пустом зале.

–Хотелось бы мне знать, – ответил старик.

Девушка не могла дышать. Она чувствовала на себе невероятную тяжесть. Руки и ноги были намертво прижаты к полу, и не было никакой возможности пошевелиться.

Открыв глаза, девушка увидела сильные волосатые руки, сомкнувшиеся на ее горле. Хотелось вздохнуть, впустить немного воздуха в легкие, которые обжигало все сильнее с каждой секундой. Из искривленного злобой рта, склонившегося над ней, сочилась слюна. Девушка попыталась вырваться, отпихнуть его от себя, но огромный кулак обрушился на ее скулу. Что-то хрустнуло. Голова откинулась на бок, рот вмиг наполнился пульсирующей кровью, которая потекла на пол, превращаясь в красную лужицу. Тело пронзила нестерпимая боль.

Она заметила, как под тумбочкой блеснул маленький предмет – крестовая отвертка. До нее можно было дотянуться свободной рукой.

Воспоминания вернулись вместе с металлическим привкусом во рту.

Слезы капали на дощатый пол. В нос ударял едкий запах мужского пота. Горькая обида на свою судьбу, давила на сердце не меньше, чем колени, впивающиеся в ребра.

Кровь подступила к горлу. Девушка захлебывалась. В глазах темнело. Сквозь слезы и кашель она слышала приглушенный плач младшей сестры. Ее беспомощной маленькой

сестры.

Оставался последний вопрос, на который никто, кроме нее, не сможет дать ответ.

Холодная рукоять обожгла пальцы. Девушка размахнулась из последних сил, и почувствовала, как отвертка вошла во что-то мягкое. Потеплело. Сомкнув глаза и растянув губы в улыбке, она снова погрузилась в кромешную тьму.